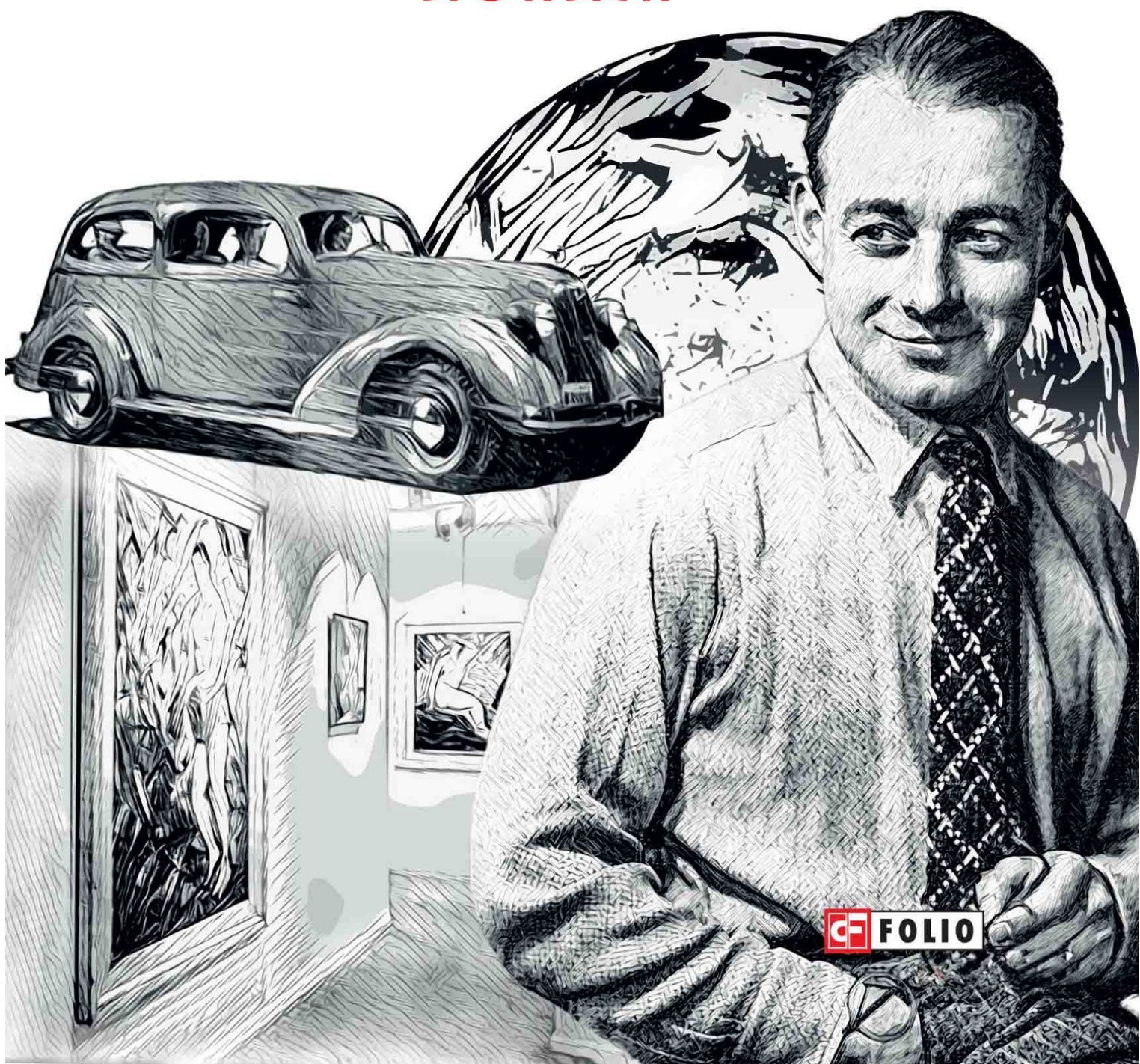

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ
АРГЕНТИНА
ЛОЧЖА

Аргентина

Андрей Валентинов

Аргентина. Лонжа

«Фолио»

2018

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр-Рос)

Валентинов А.

Аргентина. Лонжа / А. Валентинов — «Фолио»,
2018 — (Аргентина)

ISBN 978-966-03-8236-7

...Европа, 1937 год. Война в Испании затихла, но напряжение нарастает, грозя взрывом в Трансильвании. В Берлине клеймят художников-дегенератов, а в небе парит Ночной Орел, за которым безуспешно охотятся все спецслужбы Рейха. Король и Шут, баварцы-эмигранты, под чужими именами пробираются на Родину, чтобы противостоять нацистскому режиму. Вся их армия – два человека. Никто им не поможет. Матильда Шапталь, художница и эксперт, возглавляет экспедицию, чтобы отобрать лучшие картины французских экспрессионистов и организовать свою выставку в пику нацистам. Она занимается искусством, а ее шеф – политикой. Зеленое солнце на картине, люди в черном, идущие по следу, девять кругов лагерного ада. Рай не светит им, шагнувшим в бездну...

УДК 821.161.1(477)

ББК 84(4Укр-Рос)

ISBN 978-966-03-8236-7

© Валентинов А., 2018

© Фолио, 2018

Содержание

Европа	6
Глава 1	8
Глава 2	28
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Андрей Валентинов
Аргентина: роман-эпопея. Кн. 4. Лонжа

ISBN 978-966-03-8081-3 (Современ. остросюжет. проза).

ISBN 978-966-03-7900-8.

ISBN 978-966-03-8236-7 (кн. 4).

© А. Валентинов, 2018

© М. С. Мендор, художественное оформление, 2018

© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

Европа

Подражание Горацию. Carmina III, VI

За сынов твоих, Европа, ответчицей,
Безвинной будешь, храмы пока Христу,
Повергнутые, не восстановишь,
Алтари, покрытые черной гарью.

Пред властью Небес, помни, бессильны мы:
От них начало, к ним и конец ведем:
Как много бед за небреженье
Боги судили веку нашему!

Четыре лета терзала землю война,
Раны траншей не заросли еще.
Не сочли доселе и всех солдат,
Павших в братоубийстве грешном.

Объятая смутой, чуть не погибла ты
В 20-м, когда большевистский штык
Рвался сквозь Польшу неудержимо,
Чтобы в безбронную плоть вонзиться.

Лютер и Кальвин веры шатнули твердь,
Мерзость Вольтера в разум людской вошла.
Отсюда исходя, потоком
Хлынули беды на землю эту.

Вольностью женщин наш век прельстил.
Ныне равны они все, чтоб с нежных лет,
Стыд позабыв и нравы отчие,
Мысли стремить к любви свободной.

А там любовник, лишь бы моложе, им
И в ресторане сыщется: хоть банкир,
Хоть янки залетный с книжкой чековой,
За их капризы плательщик щедрый.

Им нет закона – и страха пред мужем нет.
Свобода во всем, супруги в грехах вольны.
Вровень и дети растут, Отчизну
Любя не пуще семьи попоранной.

Иных отцов был юношей род, что встарь
Окрасил море кровью арабской, смерть
Принес бесстрашному мавру,
Турку-владыке, монголу-зверю.

Сыны то были воинов-пахарей,
Что не ленились глыбы земли копать
Франкской мотыгою острой.
Клич же заслышав вождя, не медля,

Отцовы доспехи спешили вздеть, меч
Дедов, в щербинах старых, цепляли,
В строй становились, воинской славы
Роду и племени алча сердцем.

Устоять ли ныне, Европа, сынам твоим,
Когда ветром суровым несет войну,
И зажигает новый пожар
Вождь бесноватый, германский фюрер?

Чего не портит пагубный бег времен?
Отцы, что были хуже, чем деды, – нас
Негодней вырастили; наше
Будет потомство еще порочней.

Глава 1

«Колумбия»

Белый танец. – Внучка. – Куманёк и дурачина. – «Фукурума». – Стружки на манеже. – Эксперт Шапталь. – Допрос. – Рисунок, цвет, композиция

1

Белый танец – светлая перчатка на желтой кости...

Смерть никогда не опаздывает, но порой приходит слишком рано. Весы еще колеблются, последние песчинки цепляются за гладкое стекло... Но Смерть нетерпелива, она не любит ждать, пока прозвенит невидимый колокольчик, и заиграет музыка. Особенно здесь, в Ее логове, в Ее царстве.

По серой известке стен – долгий ряд цифр, от единицы до шестерки, перечеркнутых наискось. Столбиками, неровными квадратами, кое-где просто ногтем, кое-где чем-то тонким и острым. Последний ряд обычно неполон – от пяти до зябнувшей единички. Ее клинопись, Ее, Смерти, гроссбух. Она знала каждого, не многие ушли, не повидавшись с Нею, не услышав Ее зов.

– Никодим... Никодим!

Людские имена Смерть не помнила – и не пыталась узнать, обращаясь ко всем одинаково. Никодим – Увидевший Победу, Ее победу¹.

– Никодим!..

На Ее трехкратный зов откликаются всегда, он слышен даже в самых глубинах беспамятства. Лежавший на бетонном полу легко поднялся над собственным телом, привычно пригладил залитые засохшей кровью светлые волосы, все еще не понимая, окинул взглядом камеру.

... Слева от обитой железом двери еле различимое «3,5 года», справа, у самого потолка, «Черный фронт не сломить!» Двухэтажные нары пусты, тело – ногами к двери, лицом в бетон.

Столик. Жестяная кружка. Ложка, надломанная как раз посередине.

Камера 128. Военная тюрьма. Колумбия-штрассе. Темпельгоф.

– Пора! – Смерть, зубасто улыбнувшись, протянула руку в светлой перчатке. – Наш танец, Никодим!

Отказа не ждала, но человек, прислушавшись к чему-то недоступному даже Смерти, молча покачал головой. Та не обиделась – привыкла! – но в бесчисленный раз огорчилась людской непонятливости.

– Чего еще ты ждешь? Смотри!

Светлая перчатка легко стерла нестойкую явь, открывая залитый лунным огнем белоколонный зал. Вместо паркета – неровная черная тьма, она же вверху, за колоннами, со всех сторон. Оркестр не виден, но хорошо различим. Музыканты репетировали, дирижер, явно чем-то недовольный, отсчитывал холодным резким голосом: «Раз-два-три-четыре... Раз-два-три-четыре... Раз-два-три...»

– Один лишь танец, Никодим! – Смерть, вновь оскалившись, простерла длань к черному безвидному небу. – И все кончится. Не будет боли – и страха больше не будет. Не жди, когда зазвенит колокол! С утра – снова на допрос, и тебя опять станут бить, а потом мы встретимся снова. Несколько часов мучений – разве оно стоит того?

«Раз-два-три... Раз-два-три-четыре...»

¹ Габриэль Гарсиа Маркес. «Осень патриарха».

Желтая кость, легкая невесомая ткань. Ладонь – у его плеча. Человек отшатывается, резко качает головой...

«Раз-два-три-четыре...»

И улыбается. Говорить не может, но Смерть понимает без слов. И на этот раз в ее голосе темной водой плещется нешуточная обида.

– Еще пожалеешь, мой Никодим. Это мог быть прекрасный танец... Завтра новый день – и новые муки. Ты будешь звать меня, наглый мальчишка, но я спешить не стану. Ты парень крепкий, жизнь из тебя будут выбивать долго. Опасно злить палачей, Никодим, но еще опаснее сердить меня...

Перчатка ударила в черное небо, вминая его пустоту. Дрогнули белые колонны, растворяясь в нестойком полумраке тюремной камеры, дирижерский голос оборвался, так и не досчитав («Раз-два-три...»), черный цвет уступил место серому. Бетонный пол, известка по стенам, лампочка в железной оплетке под потолком. Человек, приподняв голову, с трудом выплюнул кровь.

Привстал, опираясь на локти.

– Ни-ко-дим...

Выговорил с трудом, усмехнулся разбитыми губами.

– Не дож-дешь-ся!

Встать не смог – прилег обратно на холодный бетон. Завтра – новый день, и этот день надо обязательно пережить. Опасно сердить Смерть, но подвести живых – еще хуже.

Сил не было, и человек не запел, лишь шевельнул губами, обозначая памятные с детства слова:

Нет мыслям преград,
Они словно птицы
Над миром летят,
Минуя границы...²

Темпельгоф, южный пригород Берлина, столицы Третьего Рейха. Первый шаг сделан...

Ловец не поймает,
Мудрец не узнает,
Будь он хоть Сократ:
Нет мыслям преград!

2

Такси она отпустила в самом начале Рю Скриб. Пристроила сумочку на плече, перехватила поудобнее картонную папку, походя отфутболив настырного усатого франта, сунувшегося помочь «прекрасной мадемуазель»³. От «прекрасной» (сказанул!) тут же заныли зубы. Даже не разглядел как следует, порода кошачья – и туда же! Или он из тех, для которых лишь бы двигалась?

Фыркнула, притопнула ногой в тяжелом, не по сезону, ботинке. И пошла по Рю Скриб без особой спешки. До встречи – верные полчаса, а до стеклянных дверей «Гранд-отеля» три

² Здесь и далее песня «Die Gedanken Sind Frei» приводится в переводе Даниэля Когана.

³ Здесь и далее: в некоторых случаях обращения «мадемуазель», «герр», «мадам», «фройляйн», «фрау», «камарад» оставлены без перевода.

минуты неторопливого хода. Еще пара минут, чтобы пересечь вечно бурлящий толпой холл, потом на второй этаж, тоже две минуты, причем с запасом...

Матильда Верлен (для своих – просто Мод) прекрасно чувствовала время – и очень этим гордилась. Ее немногочисленные кавалеры даже не подозревали, что лучшей для них рекомендацией было бы опоздать на первое свидание. К таким девушка относилась с легким снисхождением, особенно если не забывали извиниться с подробным указанием причин (автобус, толкучка в метро, галстук, сгоревший под утюгом). А еще чтобы рубашка была помятая – и с расстегнутой верхней пуговицей. Если же видела ровню – секунда в секунду, сверкающая обувь и пиджак без складок, – сразу же принимала боевую стойку. Впрочем, ничем серьезным такие встречи не кончались, как в первом случае, так и во втором. Мод привыкла – и воспринимала как данность. Двадцать четыре года, ни разу не замужем, подбородок – хоть орехи коли, а на правой щеке, неизгладимым клеймом – багровое пятно, точно свежей краски плеснули...

«Дедушкина кровь», – с горечью обмолвилась мама. Маленькая Мод, очень удивившись, нашла фотографию деда, папиного папы (в книжке, иных в доме не оказалось), долго вглядывалась, но никакого пятна у Поля Мари Верлена не обнаружила. Наверняка под бакенбардой спряталось! Она попыталась спросить своего второго деда, но мамин папа (ни бакенбард, ни, само собой, пятен) говорить на эту тему отказался наотрез.

– Он был очень дурной человек, внучка. А ко всему – безбожник. Бедная Матильда, твоя бабушка!

Так и осталось пятно не проясненным. И то, что на щеке, и второе, много больше, – багровой кляксой посреди живота. Дурная дедушкина память...

Никакой гордости не чувствовала, ни в детстве, ни позже. На «внучку Верлена» откровенно обижалась, в школу живописи поступила под маминой фамилией, ею же подписывала картины.

Стихи деда все же прочла. Не понравились.

Дурной человек, дурная безбожная кровь...

«Ты еще сменишь кожу, девочка!» – пообещали ей когда-то. Но годы шли, багровые пятна проросли уже до самой души, и Мод давно научилась принимать жизнь такой, как она есть. И себя саму – тоже. Тяжелый подбородок, нижняя губа не по размеру, вздернутый короткий нос, вечная сигарета в зубах, темно-серый пиджак, светло-серая юбка, волосы на затылке – тяжелым узлом, под рукой – картонная папка с рисунками.

Так и шла по жизни, печаль свою сопровождая.

– Мод Шапталь. Нет, не графиня и не родственница. И не внучка. Просто – Мод.

* * *

Последняя картина («Мод Шапталь» желтой охрой в правом нижнем углу) закончена год назад. Красила через силу, закончив же и расписавшись, не показала никому, так и оставив на мольберте. Не потому, что не понравилась, просто показывать некому. Коллеги лишь плечами пожимали: «Рисунок хороший, четкий, но... Ты опоздала на сто лет, Мод. Энгр давно умер!»

Энгр умер. Пикассо и Матисс живы.

Вначале спорила. Потом бросила, заперла студию и заказала новые визитные карточки. На прежних – «Мод Шапталь, художник». На новых она же, но «эксперт». Короткое слово неожиданно понравилось – полным отсутствием ясности и определенности, точь-в-точь, как в современной живописи. «Не так важен Гомер, – говаривал ее учитель в пансионе, – как комментарий к Гомеру!» Энгр умер, говорите? Значит, настало время писать комментарии.

Пять часов пополудни, «Гранд-отель», что на Рю Скриб, второй этаж, бар, столик у стены. Эксперт Мод Шапталь к работе готова. Как там выразился дедушка? «Не радость, нет, – покой души бесстрастен».

Пиджак и юбка выглажены, поверх багрового клейма – пудра телесного цвета, помада самая лучшая, Lancome, розовое масло.

...Сигареты! «Gitanes Mais» в синей пачке с силуэтом танцующей цыганки! В холле есть киоск, слева от мраморной лестницы, ведущей на второй этаж...

3

Сошлись однажды Шут с Королем, и Шут молвил так:

– Гитлер сейчас силен, как никогда, куманёк⁴. Свергнуть его невозможно, а убивать бессмысленно. За него подавляющее большинство – и в Рейхе, и в мире.

– А меньшинство?

В Шута и Короля они играли с детства. Согласно строгим правилам – тем самым, которые Король, сам того не желая, нарушил.

– Ты не добавил «дурачина», – укоризненно констатировал Шут. – И не стыдно, куманёк? Пять поколений моих шутейших предков требуют, знаешь, уважения... Меньшинство... Если большинство подавляющее, то меньшинство, стало быть, подавляемое. В Рейхе тихо, как на кладбище. А за кордоном... Кто сейчас готов с Гитлером воевать, скажи? Англичане, французы? Или, может быть, русские? Ты, куманёк, расклады по внешней торговле видел? А по кредитам?

Спорить с Шутом, дипломированным экономистом, Король не стал, тем более цифры и сам видел.

– Может быть, Польша? Там после смерти Пилсудского, конечно, в правительстве дурак на дураке, меня за пояс заткнут. Но чтобы воевать? А сам Бесноватый воевать не полезет. Псих – но умный.

– Ты забыл, дурачина, о кредитной линии «Шрёдер, Рокфеллер и К», – наставительно заметил Король. – Сейчас на этой ниточке висит вся экономика Германии. Но тот, кто подвесил, тот может и отрезать, не так ли? Повод найти будет легко, а нет – так организовать.

Шут лишь развел руками.

– Извини, куманёк, такой уж я дурак. Наследственный, можно сказать. Взял – да и забыл про страшный заговор полковника Эдварда Мандела Хауса и присных его. Подсадить Бесноватого на кредиты, подождать, пока увязнет всеми четырьмя – и р-раз! Гитлер от отчаяния ввязывается в войну на радость мировому масонству, Штаты ступают ковбойскими сапогами на европейские пажити, Дядя Сэм торжествует. Glory, glory, hallelujah! Это было бы так, куманёк, если бы фюрер германской нации играл в поддавки. Не забывай, финансами у него занимается сам Ялмар Шахт. Он что, этой ниточки не видит?

Шут сам вышел из роли. Он и так мало походил на шута, впрочем, как и Король на своих венценосных предков. Два друга детства, два немца, выросшие на чужбине, но не забывшие отчий дом.

– Вторая кредитная линия, понимаешь? И деньги на этот раз не американские, а... неведомо чьи. Я их уже год отслеживаю, но поймал только краешек. Некая структура, именуемая просто «Структура», – и банки Лихтенштейна! Там, кажется, твои родственники правят?

– Мои родственники всюду правят, – согласился Король. – В Лихтенштейне – Франц I, троюродный прадедушка. А вот его сын, Алоиз... Он же банкир, даже от права наследования отказался в пользу дяди Франца!

Шут поморщился брезгливо.

⁴ Время действия книги – весна и лето 1937 года. «Аргентина» – произведение фантастическое; реальность, в нем описываемая, лишь отчасти совпадает с нам привычной. Автор сознательно и по собственному усмотрению меняет календарь, географию, судьбы людей, а также физические и прочие законы. Исследование носит художественный, а не исторический характер.

– Мне, знаешь, с родичами больше повезло... куманёк. Итак, банки Лихтенштейна будут давать деньги Бесноватому – и деньги очень большие. Алоиз, тобой помянутый, акула из акул, деньги назад получит, не беспокойся. Но и Гитлер не прогадает. На двух ниточках удобнее, чем на одной, верно? Можно даже качели пристроить... Узнать бы, чьи это деньги! Здесь, в Штатах, это, боюсь, невозможно.

– А если не в Штатах?

Обоим недавно исполнилось двадцать три.

* * *

– Подавляемое меньшинство, куманёк! Всё германское подполье – коммунисты, социал-демократы, Черный фронт – либо уничтожено, либо давно под колпаком. Кто остается? Германское сопротивление и Бюро Кинтанильи? Ты уверен, что это не миф, не пропагандистские сказки? Но даже если они действительно существуют, с чего ты взял, что они работают против Гитлера? И ты им точно не нужен. Но это ладно! Большинство немцев сейчас за Гитлера – вот что главное. Крестьяне, рабочие, интеллигенты, аристократы, военные – всем им Гитлер что-то дал и еще больше наобещал. Станут они с ним бороться? Не станут, причем из чисто рациональных соображений.

– Рациональных... Ты сам это сказал, дурачина. Да, разум силен, но есть нечто посильнее. В каждом из нас сидит что-то этакое... Ты же помнишь моего деда? Циник, вояка, шкура, словно у бегемота. Но когда кайзер отрекся, он заплакал. Иррациональное чувство верноподданного...

– Ты на что намекаешь, куманёк?

– Не хотелось бы тебя втягивать... Но одному из нас придется здорово рискнуть.

4

Эксперт Мод Шапталъ не слишком интересовалась теориями мироздания, имея под рукой свою собственную, до которой дошла в детстве. Невероятно большой мир напоминал ей японскую игрушку «фукурума»: выточенную из кости фигурку, внутри которой была другая, под нею третья – и так сколько фантазии и мастерства хватит. Громадный и шумный Париж становился прост и понятен, стоило лишь представить его футляром с крышкой из безоблачного майского неба. Под ним – футляры-миры поменьше, не один, как у японцев, но множество: ее крошечная квартирка с запертой студией, выставочные залы, роскошный неповторимый Лувр, без которого жизнь теряла смысл. «Гранд-отель», что на Рю Скриб, – тоже «фукурума» с множеством миров внутри, больших и поменьше. Прежде бывать здесь не приходилось (зачем коренной парижанке отель?), но нынешний шеф-работодатель настоятельно предписал проводить все рабочие встречи именно в «Гранд-отеле». Почему, объяснять не стал, но Мод догадалась сразу. Шеф, таинственный и почти неуловимый, сам обитал где-то в глубинах огромной гостиницы, спрятавшись в своей раковине-«фукуруме». Ей тоже предложили снять номер, но девушка, чуть подумав, отказалась. Лишние хлопоты – и лишние глаза. «Гранд-отель», мир внутри миров, богат на укромные закутки. Бар на втором этаже Мод нашла почти сразу, и с тех пор приглашала контрагентов именно туда. Днем, когда народу поменьше. За месяц к ней успели привыкнуть – и даже ее столик старались не занимать. Очень удобный – как раз на двоих и напротив двери.

4.45 пополудни, стеклянные двери, ряды роскошных авто, величественные, словно египетские фараоны, швейцары, юркие мальчишки на посылках – и люди, люди, люди. Мир-Отель хоть и уступал по размерам миру-Городу, но не слишком namного.

Десять минут (две в резерве), чтобы добраться до столика в баре. Еще пять в чистом запасе. Можно перекурить, можно...

– Добрый день, мадемуазель Шапталъ!

Первый клиент оказался ей под стать – пришел пораньше и даже успел вписаться в небольшой водоворот у дверей, так что сразу и не заметишь. Глазастый, увидел первым. Будь это личным свиданием, крепкий плечистый в старом поношенном костюме уже заработал бы первый тяжелый «минус», но поскольку речь шла о деле...

– Очень рада, мсье Бонис. Здравствуйте! Давайте-ка отойдем в сторону и перекурим.

– Да, сейчас...

Откуда-то из-за спины словно сама собой появилась гитара в сером полотняном чехле. Мод лишь моргнула. Про гитару уговора не было. Парня, дабы пристроить к делу, рекомендовал все тот же шеф. Не настаивал, но советовал. По всем статьям подходит: крепок, разбирается в технике, прекрасный шофер – и не парижанин, много не запросит.

То, что Жорж Бонис – откуда-то с юга, Мод поняла при первом же беглом знакомстве. О деньгах парень сказал сам, заранее согласившись на все условия. «На мели!» – констатировал он, разведя широкими ладонями. Торговаться явно не умел, и Мод мысленно вывела большой и основательный «плюс». Работяга откуда-то из Прованса, в Париже не слишком везет...

Гитара?

Слева от стеклянных дверей народу оказалось поменьше. Мод поставила картонную папку на асфальт, достала из сумочки «Gitanes Mais», извлекла последнюю сигарету. Парень поспешил щелкнуть зажигалкой – огромной, остро пахнувшей бензином, явно самодельной. Сам достал надорванную пачку «Gauloises Caporal» – как раз к костюму и внешности. Бывший художник Мод оценила образ: рост, широкие плечи, мятый серый пиджак, галстук не первой свежести, сдвинутый на сторону, крепкая шея, слегка выющиеся темные волосы – и щеточка усов. Ее лет, но выглядит куда старше. Самодельная зажигалка, мозоли на ладонях... И гитара. Оставалось сложить все вместе.

Обладатель усов между тем не спешил. Размял сигарету, сунул в уголок рта, поглядел не слишком уверенно.

Решился.

– Так как, мадемуазель, берете на службу? А то, знаете, совсем плохи дела. С квартиры попросили, того и гляди в полицию заявят. Вот, даже гитару с собой таскаю, чтобы не пропала ненароком.

Да, торговаться парень явно не умел. Мод улыбнулась.

– «Понтиак-кемпер» 1935 года, американец. Знаете, что за зверь?⁵

Жорж Бонис, ничуть не удивившись, пожал широкими плечами.

– Черная глазастая жаба с вагоном на плечах? Знаком, как же. Там первым делом карбюратор проверить надо...

Девушка кивнула. Кажется, шеф знал, кого рекомендовать. «Черная глазастая жаба»?

Неплохо!

* * *

– Нет, – решительно заявил Жорж Бонис, отставляя тарелку в сторону. – Не разбираюсь я в ней, в живописи, мадемуазель. Особенно в современной. Ну, совсем!

Тарелка (омлет-фриттата с овощами и мясом) была уже второй. Парень явно успел изрядно оголодать. Поначалу отказывался, смущался, но Мод сумела настоять. «Хочешь проверить работника – накорми его», – изрек как-то ее мудрый дед, мамин папа. Шаптал-старший был бы доволен результатом.

– Я ведь как понимаю, мадемуазель? Картина – это вроде жизнь, только в раме. Окошко! А у нынешних – не пойми что. Как они только такое видеть могут?

⁵ Все упоминаемые в тексте автомобили, мотоциклы, самолеты, бытовые приборы и образцы оружия не более чем авторский вымысел.

В баре почти пусто. Ее столик, как и ожидалось, оказался свободен, стрелка наручных часов миновала зенит (десять минут шестого), но за столиком они по-прежнему вдвоем. Тот, кого она ждала, запаздывал. Мод не слишком огорчилась. Появится! Тем более, слушать простодушного парня было очень приятно. Просто медом по сердцу!

Говорите, Энгр умер?

Отхлебнув кофе (заказала, как обычно, крепкий без сахара), распечатала купленную в холле сигаретную пачку с силуэтом цыганки.

– Не расстраивайтесь, мсье Бонис. Вы – не исключение. В современной живописи никто не разбирается, поверьте мне как специалисту.

Широкая ладонь взлетела над столиком.

– Если можно, по имени, мадемуазель. «Мсье Бонис» – сразу себя в комиссариате представляешь. Наслушался! Но... Вы же эксперт!

Визитную карточку Мод вручила усачу еще в первую их встречу.

– Именно, – согласилась она. – Эксперт – это тот, кто делает вид, что разбирается. А остальные делают вид, что верят, – и платят деньги. Такая у нас игра...

Полюбовалась эффектом и добавила уже серьезно:

– Я – художник. Не знаю, насколько хороший, но училась у настоящего мастера. И всегда могу сказать, что на мольберте – живопись или профанация.

Парень задумался, провел пальцем по подбородку.

– А если на этом самом мольберте, извиняюсь, три пятна зеленого колера?

– Даже в этом случае. Мазок – профессионала видно сразу. Поверьте, не так просто вписать три пятна в холст... А еще я всегда подскажу, какие картины лучше отобрать для выставки, чтобы они не смотрелись, словно в лавке старьевщика. Собственно, этим мы с вами и займемся. Придется поездить, поэтому мне нужен «кемпер». Он – целиком ваша забота. Еще может понадобиться помощь при погрузке и... Мало ли что еще?

Ладонь Жоржа Бониса вновь взлетела над столиком, сжимаясь в полете в крепкий увесистый кулак.

– И это тоже, – невозмутимо согласилась она. – А вся наша работа – ради большой выставки, которая должна открыться в начале июля. Работы очень много, сейчас уже середина мая... Нужно постараться.

Говорила, а сама поглядывала в сторону двери. Столик действительно очень удобен. В баре не слишком светло – в отличие от широкой лестничной площадки. Все как на ладони...

Он и она. На ней – длинное светлое платье явно от Мадлен Вионне. Прическа под Бэт Дэвис, колъе на высокой шее, белая сумочка с большой красной розой, белые перчатки. На нем – обычный темный костюм, но строго по фигуре, от лучшего портного. Ей – под тридцать, он много моложе. Ростом вровень, оба высокие, только в плечах и разнища.

Номер третий. Ради него Мод и попросила придвинуть к столику лишнее кресло. 14 минут шестого...

...Поклонился, слегка небрежно, тряхнув черными кудрями. Сейчас приложится к ручке... Нет! Рука к руке, прикасаясь лишь кончиками пальцев. И не просто – на короткий миг дама присела в коротком, похожем на книксен, поклоне. Склонила голову...

Мод едва удержалась, чтобы не протереть глаза. Церемониальный, чуть ли не придворный поклон – здесь, в «Гранд-отеле»!

– Мы кого-то ждем, мадемуазель? – проявил прозорливость ее усатый спутник.

Девушка кивнула.

– Уже дождались.

* * *

– Мод! Здравствуй, Мод! Извини, кажется, опоздал. Задержали, понимаешь, никак не мог прервать разговор... Здравствуйте, мсье, я – Арман, Арман Кампо. Можно просто по имени, меня тут все знают... О, это ваша гитара? А какая она у вас?

Девушка невольно усмехнулась. Приблизительно так они и познакомились месяц назад, здесь же, в баре. Подскочил, тряхнул кудрями, зачастил, перемежая слова улыбкой. После первой фразы очень захотелось двинуть приставалу прямым в челюсть – в гладко выбритый острый подбородок. После второй решила не бить, но дать от ворот поворот, не сходя с места. Однако фраз оказалось куда больше, чем три.

Жоржу Бонису, человеку с гитарой, довелось испытать все это заново, причем с тем же результатом. Вначале нахмурился, потом, расслабившись, протянул широкую ладонь, а вот уже и гитара выглянула из чехла.

Арман Кампо был невероятно, нечеловечески обаятелен. Ничего удивительного, профессия обязывает.

Жиголо!

5

– Чего разлегся? Встать!

Серый сумрак, желтый четырехугольник двери, черный силуэт охранника... Надо встать, иначе будет хуже. Еще хуже.

– Н-ну?!

Встал, покачнулся, поймал губами клочок сырого воздуха. В тюрь-ме быстро учатся.

Не молчать!

– Пауль Рихтер, номер 880. Эмигрант, Черный фронт.

Силуэт качнулся, надвинулся тяжелой горой.

– И чего ты такой красивый, номер 880?

Как отвечать, он уже знал. Вбили в первый же день.

– Упал с лестницы.

Гора весело хмыкнула.

– С лестницы, не с лестницы, а днем дрыхнуть не положено. Ясно?

Еще клочок воздуха.

– Д-да!

– Не «да», кретин, а «так точно!»

Не ударил, просто толкнул резиновой дубинкой в грудь, но и этого хватило.

– Вста-а-ать!

И он снова встал. Гора тяжело дышала рядом, от нее несло табаком и тяжелым перегаром.

– Эмигранты – все предатели! И ты тоже, понял?

Всему есть предел, даже инстинкту самосохранения. Особенно когда понимаешь, что в любом случае останешься виноват.

– Я не предатель!

Сказал даже не Смерти – самому себе. Ждал удара, но вместо этого с горы вновь донесся смешок.

– Не предатель? У нас зря никого не сажают, умник. А ну, приседание на носках! Раз-два-три!..

«Раз-два-три-четыре...»

Присел, встал, присел, завалился на бок.

– Встать!!!

И вновь не ударил – схватил за ворот грязной рубахи, подтянул ближе.

– Выжить думаешь, эмигрант? Не надейся. Представь, что здесь твои Штаты, а ты – поганый ниггер!..

Пока смеялся, с гоготом и присвистом, хватило времени сообразить. Штаты?! Он ничего не говорил о Штатах!

– Черный фронт, значит? А как зовут вашего бундсфюрера?

– Партайгеноссе Кун, Фриц Кун из Нью-Джерси.

Ответил, как и спросили, шепотом. Не тайна, об этом его уже спрашивали на допросах. Гора явно удивилась.

– А почему – Черный фронт? Партайгеноссе Кун – верный камрад, его сам фюрер награждал.

– Я из Германо-американского союза работников искусств. Председатель – Рудольф Боле. Мне сказали, что он друг Штрассера. Я, к сожалению, не знал.

Последнюю фразу проговорил не вслух, про себя. Не знал, хотя и следовало. Нацисты казались все на одно лицо, и разбираться в пятидесяти оттенках коричневого он просто побрезговал. Выходит, зря...

– Предатель и есть, – горадохнула алкогольным паром. – Чего стоишь? Приседание на носках. Раз-два-три! Раз-два-три!

И снова – шепотом:

– Главное, парень, ничего не подписывай, иначе – крышка. Пусть лупят – не подписывай. В лагерь попадешь, найди наших и передай привет от старины Гроссштойсера. Фамилию не перепутай. Гросс-штой-сер...

Он снова упал и снова на бок. С грохотом захлопнулась обитая железом дверь.

* * *

Короли в изгнании – не короли на престоле. Паспорт удалось достать совершенно случайно. Пауль Рихтер, эмигрант, цирковой акробат, шапочный знакомец Шута и горький пьяница, умудрился насмерть рассориться с супругой, тоже акробаткой. Заодно и вылетел с работы – супруга приходилась родной племянницей директору. В довершение всех бед непутевый Рихтер был изгнан из дому с конфискацией всего движимого и недвижимого, включая и документы. Без таковых иностранцу в Штатах не слишком безопасно, и Шут лично отвел бедолагу в посольство Рейха, посоветовав, не вдаваясь в подробности, объявить об утере. Дубликат выдали, а через год супруги помирились. Лишний паспорт Рихтер Шуту на радостях просто подарил, не сразу, но после третьей рюмки самодельного яблочного шнапса.

– На два года нас с тобой старше, – резюмировал Шут. – Судимостей нет, никакой политикой не занимался, а пометки насчет алкоголизма в паспорте не предусмотрены. Годится?

– Еще нет, – возразил Король. – Надо проверить, особенно насчет политики.

Проверили, узнали про Германо-американский союз работников искусств, но, поразмыслив, не придали этому особого значения. Сам Рихтер, будучи аккуратно расспрошен, лишь рукой махнул. Не союз, мол, а сборище идиотов, только что способных песни орать и взносы требовать. Глубже вникать не стали. Мало ли их, эмигрантских союзов и союзиков?

Но все равно на душе было тревожно.

– Я бы тебя с такой сомнительной бумажкой за океан не послал бы, – резюмировал Шут.

– Я бы тебя тоже, – не стал спорить Король. – Но с нашими паспортами нас арестуют прямо на границе. Рискнем?

Арестовали его не на границе – в Берлине, прямо в вагоне, не позволив выйти из купе. Поезд отогнали на запасной путь, запястья сжала сталь наручников...

Первый раз избили возле черного Mercedes-Benz 260 D, когда он попытался узнать о причине ареста.

* * *

За окном – зарешеченной амбразурой под самым потолком – один за другим, с малым перерывом, взлетали и садились самолеты. Шум он слышал и раньше, но только сейчас, немного отогнав боль, понял, что к чему. Темпельгоф – воздушные ворота столицы Третьего Рейха. Где-то там, в неизмеримой дали, майское предвечернее небо, перистые облака у горизонта, легкий чистый ветер. Летать он очень любил. Начав зарабатывать, записался на частные курсы пилотов, несколько раз прыгал с парашютом, тщательно скрывая от чувствительных родителей. Среди безумных планов, которые довелось обсуждать с другом, был и самый простой: купить билет на один из цеппелинов, курсирующих между Берлином и Нью-Йорком. «Гинденбург», а еще лучше «Олимпия», всеобщая любимица, небесная богиня. Билет стоил никак не меньше фордовского авто, зато таких пассажиров не станут усиленно проверять. Спорили, прикидывали варианты, даже съездили в Лейкхерст – поглядеть на старт чудо-цеппелина.

– Сошло бы, – резюмировал Шут. – Но только в одном случае: если бы у тебя, куманек, имелся американский паспорт – вдогон к родному. В Темпельгофе на землю Рейха сходит наглый янки, а из такси где-нибудь в Шарлоттенбурге выходит скромный немецкий Михель. Но собственная Его Величества разведка эмигранту не положена.

– Как и американский паспорт, – согласился Король.

Каждый из них имел право на американское гражданство, прожив на земле Свободы почти всю свою недолгую жизнь. Но в королевской семье о подобном и не думали. Представитель династии не может быть каким-то там «гражданином». Его ждет престол – или не ждет, но в любом случае наследник древнего королевства должен остаться немцем.

Родители Шута оказались куда большими реалистами, и молодой человек в свой срок получил документ с клювастым орлом.

– Плохи мои дела, – сказал он как-то своему сюзерену. – В Штатах слишком много конкурентов, куманёк. Сплошные, я тебе скажу, клоуны. Затеряюсь!

Дипломированный экономист шутил – как и положено по рангу. Последним придворным шутком был его прапрадед, честно прозвеневший бубенчиками у подножия трона всю свою долгую жизнь. Состарившись, положил колпак у ног монарха, но старый король, нарушив традицию, не стал даровать шутовское звание его старшему сыну. Времена менялись, и тот давно уже числился офицером королевской гвардии. Внуки пошли по статской линии, но продолжали честно служить изрядно покосившемуся престолу. Однако королевский пенсион так и не успели получить.

Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918...

Король и Шут, родившиеся перед началом Великой войны, выросли в штате Нью-Йорк, не помышляя ни о престоле, ни о придворной службе. Родители хотели видеть их серьезными людьми, но Шут не хотел в экономисты, а Король – в адвокаты.

Мальчишки очень любили цирк. Запах свежей стружки на манеже казался им милее всякой карьеры. Никакие уговоры не помогали. Королевская семья даже не желала подобное обсуждать, отец же Шута, в прошлом – действительный тайный советник, а ныне удачливый бизнесмен, соизволил уцепить наследника за буйные вихры и тряхнуть от всей чиновной души.

– В клоуны, значит, собрался, бездельник? В шу-ты? Может, тебе бубенчик подарить на Рождество?

Шуту было очень больно и обидно, но он сдержал слезы.

– Я сделаю конный номер, папа. А шамберьер у меня уже есть.

Король-папа, законный наследник отрекшегося дедушки, никаких вопросов не задавал, а просто перестал выпускать отпрыска из дому. Его несостоявшемуся величеству так и не довелось узнать, что сын мечтал стать коверным клоуном.

После седьмого класса, на летних каникулах, Шут и Король бежали из скаутского лагеря, устроившись в разъездной цирк братьев Ринглинг – один в цирковую конюшню, другой – помощником билетера.

* * *

Странное дело, но его больше не тревожили. Можно было лежать на жестких нарах, отгоняя липкую боль, дышать, вспоминать, думать. Совет надзирателя был понятен. «Колумбия» – тюрьма следственная, здешним служакам, дабы отработать свой хлеб с маслом, требуется поскорее сшить «дело». Признается – трибунал и в лучшем случае решетка на много лет. Не признается – забьют до смерти и оформят «упавшим с лестницы».

Или... Или не забьют.

Лагерь ничуть не лучше тюрьмы, но проволока, пусть и колючая, все же не каменные стены. Гроссштойсер. Гросс-штой-сер...

За окном-амбразурой подал свой низкий голос еще один самолет, поднимаясь в чистое вечернее небо. Тот, кто лежал на нарах, улыбнулся и беззвучно шевельнул губами:

– Меня не запрут!

И задышал, ровно и твердо:

Меня не запрут
Подвальные своды,
Напраснейший труд —
Мне вдоволь свободы.
Ведь мысли – что бомбы:
Засовы и пломбы
Срывают подряд:
Нет мыслям преград!

6

– Только, понимаешь, Мод, у меня руки, – Арман Кампо, воздев над столом помянутые, застенчиво улыбнулся: – Руки у меня.

Девушка, оценив маникюр на длинных тонких пальцах, невозмутимо кивнула:

– Знаешь, у меня тоже. Показывать не буду, ты видел.

– Ты не понимаешь, – улыбка густо налилась очарованием. – Они у меня нежные очень, беречь надо. Я, видишь ли, еще никогда в жизни... Как это называется? Работать? Никогда еще не работал. Руками, в смысле.

И поглядел виновато. Мод не нашлась, что сказать, просто залюбовалась наглецом. Темноволосый красавец в идеально пригнанном костюме, с лица хоть Аполлона лепи, на левом указательном – кольцо с граненым карбункулом, улыбка – все рекламные агенты от зависти умрут. И легкий, почти не различимый акцент, делающий речь особо звучной. Лотарингский – как объяснил однажды Арман. Предки темноволосого, если ему верить, из Меца. Потому и видом почти иностранец, причем даже не из земли Лотаря, а напрямик из солнечной Италии.

И ни сантима в кармане. Коньяк парню Мод купила сама.

Не работал, значит? Руками? А чем именно, уточнить бы! Покосилась на мсье Бониса, и тот поспешил спрятать улыбку под усами.

– Но если не руками, я могу, – заспешил Аполлон. – Мне, понимаешь, очень нужны деньги. И... Можно мне аванс, прямо сейчас?

Не хотела – а улыбнулась в ответ. Что делать с темноволосым сокровищем, Мод прекрасно знала – дать по шее и выгнать вон, дав сперва допить коньяк. Но – не ее воля.

* * *

Эксперт нужен тому, кто в искусстве не разбирается, пусть вслух и говорит обратное. Ее нынешний начальник, как Мод уже успела убедиться, хоть и печатал порой статьи в про-

фильных журналах, силен был иным – жесткий, требовательный, готовый прицепиться к каждой мелочи. С таким вести дела не слишком приятно, но у девушки имелись свои причины не разрывать контракт. На начальника она и сослалась, когда неделю назад Арман Кампо доверительным шепотом попросил у нее взаймы двести франков, а если не двести, то хотя бы пятьдесят. Денег не дала, однако коньяком угостила – шепот понравился. И сообщила, что сама на службе. Нужны деньги – добро пожаловать! Дала контактный телефон шефа – просто так, даже не предполагая, что красавчик советом воспользуется сполна. Достучался – и очаровал.

– Парень сможет вести переговоры, – уверенно заявил шеф. – Если станет трудно, запускайте его. Вы, мадемуазель Шапталь, прекрасный специалист, но человек, извините, очень самостоятельный.

Мод не обиделась – начальник был личностью тоже по-своему обаятельной, и сказанное прозвучало отнюдь не упреком. Все верно, такой росла – и выросла. Но... Что ей теперь делать с этим гостиничным жиголом при маникюре?

Чем занят очаровательный Арман в «Гранд-отеле», девушка поняла быстро. В карты не играет, лотерейные билеты не продает. Вор? Но парень – завсегдатай, а служба охраны и не пытается возражать. И денег нет, практически никогда. Однако сыт, ухожен, костюм с иголочки, кольцо на пальце – и неоднократно замечен в компании богато разодетых дам много его старше.

...Церемониальный поклон! Видать, есть за что благодарить.

Выводами Мод делиться ни с кем не стала, но зарубку сделала. Общаться не прекратила, но ничего серьезнее совместного похода в кино (за ее счет) даже не планировала. И вот, получите и распишитесь!

– Мне наш главный все рассказал, – обнадежил между тем Арман, допив дареный коньяк. – Мы будем ездить по Франции на авто, а я буду вести путевой дневник. Надеюсь, автомобиль у нас приличный? Я не представляю, как можно путешествовать, извиняюсь, в «Рено».

Жорж Бонис шумно вздохнул.

– О, вижу вы меня понимаете, – обрадовался обаятельный. – Вкус! Вкус, друзья! Во всем нужен вкус, без него жизнь – словно лангусты без тимьяна!..

Усатый согласно кивнул.

– Лангусты – это вы в самую точку, Арман. Кстати, вы когда-нибудь колесо меняли?

Черноволосый недоуменно моргнул, раз, другой, третий.

– Менял?! А, простите, на что?

* * *

На своего нынешнего шефа Мод работала с первых чисел апреля. Помогли знакомые: по Парижу прошел слух о новой большой выставке, причем не совсем обычной. Эксперт Шапталь очень постаралась попасть на собеседование к куратору, человеку денежному, щедрому, но очень придиричивому. Мод и не пыталась его обаять, не дано, однако у девушки имелись серьезные рекомендации и некоторая известность в узких «галерейных» кругах. Хватало специалистов куда более опытных, но не все были столь принципиальны и дотошны. На этом с начальством и сошлись, хотя сама будущая выставка с самого начала показалась ей не просто «не совсем» обычной, а скорее «совсем не». Даже для видавшего виды Парижа.

– Мне кажется, ребята, что политикой вы не слишком интересуетесь, – Мод, отставив недопитый кофе, достала сигареты. – Да и я сама, признаться, не очень.

– Две недели в каталажке, – невозмутимо отозвался Бонис. – Будем считать, что этой даме я кое-что должен.

– Но... Франция – свободная страна, – красавчик Арман даже потерял букву «р». – Здесь за политику не сажают!

Усач наклонился вперед, улыбнулся невесело:

– Посадили-то за бродяжничество – после того, как песню спел. Кто-то ушастый рядом крутился. А еще про политику знаю то, что у нас в Авалане два года назад людей ни за что ни про что живьем сожгли. Говорят, реакционеры были, «Огненные кресты». Политика – значит, государство. А где государство – там насилие. Так что – без меня.

Мод щелкнула зажигалкой. Звук оказался неожиданно громким. Жорж Бонис поморщился.

– Только не говорите, мадемуазель Шапталь, что без политики – никак.

– Скажу, – невозмутимо кивнула она. – Без политики никак, мсье Бонис. Но я постараюсь попроще. У немцев, наших соседей, сажают не на две недели. Начали с коммунистов и евреев, теперь и до художников добрались. Тех, кто не арийского духа, решили не просто извести, но еще и ошельмовать. Покойный Геббельс задумал провести специальную выставку «дегенеративного искусства». Мозги, как вы знаете, ему вышибли, но выставку все равно откроют, уже скоро, в июле.

– Нацизм – это вульгарно. Голые мужчины, худые женщины. Никакого вкуса, – констатировал Арман, блуждая взглядом между двумя пачками выложенных на скатерть сигарет. Отвернувшись от сурового «Капрала», потянул тонкие пальцы к «Цыганке», улыбнулся. Мод лишь вздохнула. Не лупить же парня по руке!

– Голые мужчины и худые женщины будут на официальном вернисаже, его тогда же откроют, такая вот задумка. Немецкие эмигранты решили их опередить. В конце июня в Париже откроется выставка «Искусство Свободной Германии». Ее готовят Марк Шагал и один голландец, торговец картинами. Пусть добрые французы сами рассудят...

– Я бы не слишком на этих добрых уповал, – хмыкнул усач. – Дай им только волю, собаками станут дегенератов травить. Но, мадемуазель Шапталь, это все дела немецкие. Или...

Девушка улыбнулась.

– Угадали.

Она и сама угадала, когда шеф рассказал ей о будущей парижской выставке. «Свободная Германия? – удивилась Мод. – А где же Свободная Франция?»

– Французские дегенераты – самые дегенеративные в мире, – негромко, но очень серьезно проговорил красавчик Арман. – Но зачем? Национальная гордость в извращенной форме? Или просто – деньги?

Мод задумалась. В свое время она и сама хотела узнать об этом у шефа. Не рискнула.

– Думаю, все вместе. В любом случае, на скандале кое-кто сделает себе имя, а работы будут продаваться. Даже если разойдется четвертая часть, выставка с лихвой окупится. А скандал намечается. Хотите, покажу?

Картонная папка легла на край столика. Мод затушила сигарету и взялась за тесемки.

– Чт-то это?!

Именно так, слово в слово, отреагировали уже двое, кому девушка показала рисунки. Шеф хотел перенести их на холст в соотношении один к двум. Будущие полотна должны стать гвоздем программы. Но художники проявили упрямство, невзирая на неплохой гонорар.

И в самом деле, чт-то это?

– По-моему, бабочка, – без особой уверенности рассудил Жорж Бонис, разглядывая очередную лист. – Только... Очень странная.

Красавчик Арман дернул длинным аристократическим носом.

– А по-моему, рентгеновский снимок позвоночника. А это... Женщины у колодца?

Усач гулко вздохнул.

– Разве? Просто самый обычный горшок, у нас такие в каждом селе. Мадемуазель Шапталь, а это и вправду, если сказать помягче... живопись?

Эксперт Шапталь ответила честно, как и привыкла:

– Техника совершенно безукоризненная. А то, что вы, парни, над этими картинками задумались, тоже о чем-то говорит. Рисунков десять, художника уже нет в живых, но у нас есть разрешение от наследников. Знаете, почему эти двое отказались? Поняли, что не смогут скопировать, чтобы точно, черточка в черточку, цвет в цвет. Ничего, завтра поищу третьего. Ну что, нравится?

Жан Бонис внезапно рассмеялся, весело и задорно.

– Шутите, мадемуазель Шаптал? Знаете, как это называется? Буржуа бешется с жиру!

– Не буржуа, – чуть подумав, возразил Арман. – Им до такого безумия – как до неба. Знаешь, Мод, мне это очень по душе. И... Если нельзя аванс, то можно мне чего-нибудь на ужин? Престранный случай, забыл бумажник в номере...

7

Пиджак на следователе – бурый, чуть ли не с прозеленью. Рубашка белая, галстук – темный, узкой удавкой, вместо заколки – кругляш с хакенкройцем в белом круге. Лицо... Плоское, с острым носом, ничего приметного.

– Итак, Рихтер, вы политикой не интересовались. Не странно ли? В такое время!

За большим столом – двое: бурый следователь и серый гауптман, с виду обычный вояка, средних лет, средних размеров. Его рассматривать не стал. Что тот капитан, что этот...

– Интересовался, герр следователь, но больше в прикладном смысле. Я работник цирка, цирковой. Рейджер, ответственный за безопасность. На газеты времени не оставалось, а вот охрана труда, страхование, налоги... Потому и записался в Германо-американский союз работников искусств. Иностранцам в Штатах не очень уютно. А то, что на собраниях говорили, не очень-то понимал. Думал, обычное дело, политики грызутся... Гитлер – канцлер и рейхспрезидент, Штрассеры – оппозиция...

– Фюрер, – наставительно поправил следователь, ставя закорючку на листе бумаги. – В Рейхе никакой паршивой оппозиции нет, есть только враги и предатели.

Бурый и серый – за столом, чуть ближе привинченный к полу простой деревянный табурет. Но сидеть не положено, его место – справа от табурета. А еще правее, в метре – черный, детина в эсэсовской форме с дубинкой. Этот молчит, зато дышит паровозу на зависть.

Окно большое, но тоже с решетками. Третий этаж.

– Итак, Рихтер, вы признаете, что состояли в союзе работников искусств, возглавляемом врагами Рейха и фюрера? – Следователь оторвал длинный нос от бумаги. – Если верить вашим показаниям, с 1932-го по 1934 год.

– Состоял – и вышел, – попытался уточнить он, но плечо словно обожгло огнем. Черный ударил не в полную силу, удалось устоять на ногах...

Серый гауптман еле заметно поморщился.

– Признаете, – невозмутимо повторил следователь и отложил ручку-самописку. – Все ясно. Знаете, Рихтер, вам в одном повезло – вы приехали в Рейх, а не в Советскую Россию...

На узких губах – серая улыбка.

– Там бы вас ГПУ живо заставило признаться в шпионаже, подготовке террористического акта на вождей и еще в дюжине преступлений сразу. Есть у них в кодексе замечательная 58-я статья... У нас в Рейхе этим не занимаются, мы, национал-социалисты, выше подобной грязи. Гнилой гуманизм нам чужд, но мы – справедливы...

Улыбка стерта, глаза смотрят в глаза.

– Ваш единственный шанс, подследственный Рихтер! Сейчас я продиктую заявление, и вы запишете, буква в букву. Вы – раскаиваетесь, искренне и полностью. Раскаиваетесь в том, что добровольно вступили в организацию, возглавляемую врагами Рейха и фюрера, состояли в ней, выполняли все данные вам поручения, после чего, опять же по собственной воле, вер-

нулись в Фатерланд. Раскаиваетесь, целиком и полностью! Только это облегчит вашу участь. Понятно?

...Бурый и серый за столом, черный дышит под ухом, а за открытым окном – ясное майское утро и бездонное синее небо.

– Понятно, – согласился он. Задумался на самый малый миг – и вздернул подбородок.

– Ничего писать и подписывать не стану.

На этот раз сбили с ног первым же ударом. После третьего под закрытыми веками плеснул оранжевый огонь.

Тьма...

Нет мыслям преград,
Они словно птицы...

– Встать! – голос сквозь тьму, из самых глубин Ада. – Встать, говорю!

Встал.

* * *

Коричневых пауков он действительно не особенно различал. Что Гитлер, что Штрассеры – велика ли разница? Тем более, аналитики, которым он привык доверять, в один голос твердили, что сторонников Грегора Штрассера подчистую перебили в «Ночь длинных ножей», а Черный фронт младшего брата, Отто, – горсть болтунов-эмигрантов. Никакого «черного» подполья в Германии не было и нет, уцелевшие давно раскаялись и ревностно служат Бесноватому. От «красного» подполья тоже мало что уцелело, а бодрые рапорты Коминтерна об успехах нелегальной КПП – обычная пропаганда. Социалистов и прочих профсоюзников можно вообще не брать в расчет. Вывелись!

Надежда была совсем на других. Уже не первый месяц газеты писали о Германском сопротивлении, руководимом неуловимым и загадочным Вальтером Эйгером. Скептики умолкли, уж слишком заметны были успехи. Сожженная рейхсканцелярия, пули, пробившие гнилой череп доктора Геббельса, «точечные» удары по провинциальным нацистским бонзам. Не так давно заговорили о новом герое-террористе – Ночном Орле, за которым без всякого успеха охотились все спецслужбы Рейха.

– Грандиозная провокация, – заметил недоверчивый Шут.

– Слишком грандиозная, – возразил Король.

О Бюро Кинтанилья газеты почти не писали. Сеть, раскинутая Шпионом Без Лица, охватывала «новые территории» Рейха – от оккупированных кантонов Швейцарии до Мемеля. Агенты Жозе Кинтанилья работали тихо и неприметно, настолько, что их даже официально не искали. «Фолькише беобахтер» в одном из фельетонов посмеялась над эмигрантскими сказками про пребывающего в безнадежном климатическом отставном британского разведчика.

– Глубокое внедрение и инфильтрация, – предположил Король. – Работа на будущее, на конечный результат.

– За этим стоят чьи-то очень большие деньги, – добавил свое Шут. – Нам Кинтанилья не помощник, мы для него – помеха.

А в середине зимы, когда друзья уже твердо решили пересечь океан, стало известно еще об одном игроке. Рейх справедливо гордился успехами своего эфирного вещания. «Радиоприемник – в каждую германскую семью!» – взывал ныне покойный рейхсминистр культуры и пропаганды. Мечта Колченого осуществилась – и этим сполна воспользовалась ворвавшаяся в немецкий эфир радиостанция «Свободная Германия». Передатчик располагался на территории Бельгии, но это был лишь ретранслятор.

«...Внимание! Внимание! Передаем сводку последних известий. В ночь на 12 мая известный террорист Ночной Орел осуществил поджог загородной резиденции рейхслейтора Роберта

Лея, руководителя Германского трудового фронта. Об этом нашему корреспонденту сообщил...»

МИД Германии посылал в Брюссель ноту за нотой, бельгийцы же в ответ поминали тевтонские зверства времен Великой войны.

– Британцы подключились, – констатировал Шут. – А это, куманёк, уже очень серьезно.

– И очень медленно, – возразил Король. – Стратегия непрямого удара с расчетом на Тридцатилетнюю войну. Хорошо им на их острове!

И подвел итог.

– Ты прав, дурачина, никто помогать нам не станет. Вся наша армия – ты да я, да мы с тобой.

– Приятно быть заместителем главнокомандующего, – хмыкнул Шут, а потом добавил серьезно:

– Скорее всего, растопчут – и не заметят.

* * *

Растопчут – и не заметят.

Встать смог, а вот стоять – нет. Упасть не дали, черный эсэсман придержал за плечи. Сквозь кровавую пелену – все то же: кабинет, стол, портрет Бесноватого над столом...

– Объяснитесь, Рихтер, – равнодушно проговорил следователь и добавил негромко:

– Пока еще способны.

Он провел ладонью по окровавленным губам, попытался стать ровнее.

– Если каюсь – значит, виноват. Если выполнял поручения – значит, виноват. Если после этого вернулся в Рейх – значит, не исключено, что по приказу. Презумпцию невиновности в Рейхе, насколько я знаю, отменили. Выйдет не хуже, чем по русской 58-й.

– Умный, – столь же равнодушно молвил бурый. – Все верно, только не завидую я тебе, умный.

Кивнул эсэсману...

– Погодите! – серый гауптман встал, поглядел прямо в глаза. – Умный, упрямый и крепкий...

Пожевал тонкими губами.

– В армии не служили, Рихтер?

– Не служил. В Штатах иностранцев в вооруженные силы не берут, а из Рейха повестку так и не прислали. Но стрелять умею.

На этот раз – чистая правда. Почти...

– Пригодится, – серый взял блокнот со стола, черкнул несколько строк. – Па-уль Рихтер, 25 лет, не служил...

– Думаете? – с сомнением покосился бурый.

– Думаю! – отрезал гауптман. – А кого прикажете набирать? Трусов, слюнтяев и задыхликов? Этот, чтобы выжить, станет драться до конца.

Следователь щелкнул ногтем по листу протокола.

– Шутите? Он же все лжет! Такие первыми к врагу перебегают.

– Перебегают? – серый негромко рассмеялся. – Это, майн герр, смотря к какому врагу!

И вновь поглядел в глаза.

– Ты еще меня возненавидишь, парень. И будет за что. Так и должно быть, готовься. Кстати, у тебя прозвище есть? Чтобы короткое и не слишком затертое.

На этот раз пришлось подумать. Прозвища были, но их называть в этих стенах совершенно не хотелось. Разве что...

– Так точно! Лонжа!..

...Арена, незабываемый запах свежей стружки – и прочный, не разорвешь, шнур. Годен для всего – и чтобы гонять по кругу лошадей, и чтобы свернуться в лассо, а главное – для страховки во время самых опасных трюков.

Бурый и серый переглянулись.

– Циркач! – поморщился следователь. Гауптман пожал мундирными плечами и молча записал короткое слово в блокнот.

Боль валила с ног, перед глазами плавали красные пятна, но тот, кто мечтал выступать на пахнувшей стружкой арене, с трудом сдержал усмешку. Лонжа – не только прочная веревка. Для тех, кто пишет сценарии, – это заранее продуманный ход, нужный для спасения главного героя. И так, и этак – верная страховка.

Лонжа выпрямился и сбросил чужую руку с плеча.

* * *

Ночью его вновь позвала Смерть, вначале как привыкла, а после и по имени, настоящему, крестильному. Он не откликнулся, но все равно увидел знакомый зал с белыми колоннами и черным небом над головой. Играла музыка, и теперь он смог ее расслышать. Слова ускользали, но он знал, что это Ее, Смерти, танго, любимое, пригретое у ледяного сердца. Танго самоубийц... Стоило сделать всего лишь шаг – и закружиться в бесконечном танце среди бесчисленных теней. Музыка манила, звала за собой, смывая легкой прозрачной волной память о прошлом и надежду на грядущее. Танго, танго, танго...

Он устоял, остался на пороге вечного танца. Смерть не обиделась, улыбнувшись костлявым оскалом.

Встретимся, мой Никодим!

Матильда Верлен, давно уже ставшая Мод Шапталъ, кровь от крови своего проклятого деда, тоже слышала во сне танго. Перед нею был не зал – хрустальный дворец с острыми шпилями-льдинками, подпиравшими бездонное ночное небо. Девушка стояла на лестнице, держа на ладони маленький круглый флакон, тоже хрустальный, как и всё в ее сне. Достаточно снять невесомую крышечку, переступить через первую ступень...

Танго звало, манило, дворец сверкал мириадами холодных огней, и Мод показалось, что она уже различает слова, такие же холодные и зовущие.

Лишь одно воскресенье,
О другом не прошу я.
День любви и улыбок,
Мой лучший день.

Память почти исчезла, но малым остатком девушка сумела уцепиться за реальность. Ничего особенного в танго нет, модное, каждый день по радио услышишь. Флакончик, не хрустальный, а фаянсовый, стоит на трюмо слева, прикрытый косметичкой, и его надо обязательно выбросить, завтра же, с утра. Но музыка все играла, дворец надвигался тяжелой хрустальной горой...

А потом будет вечер,
А потом будет полночь,
А потом будет вечность,
Где нет тебя!

Рай не светит нам, шагнувшим в бездну,
Новых воскресений нам не знать!

Закричала, но все равно не проснулась. Хрусталь исчез, залитый тяжелой густой тьмой, но музыка все не хотела отпускать. Танго, танго, танго...

Обойдись без вопроса,
Обойдись без ответа,
Полыхают зарницы,
Уходит жизнь...⁶

8

Жорж Бонис, захлопнув черный капот, принялся тщательно протирать руки тряпкой. Затем провел тыльной стороной ладони по усам и выдал резюме:

– Карбюратор, как я и думал. А еще маслопровод и...

Отошел на шаг, поморщился.

– Одним словом, янки. Велосипеды бы сперва научились делать! Шесть цилиндров, независимая подвеска... «Серебряная вспышка»! Ка-ак вспыхнет прямо посреди дороги, как полыхнет! Все перебирать надо.

Мод не спорила, смотрела. «Понтиак-кемпер», он же «Pontiac Silver Streak», модель 1935 года, оказался, как и обещано, черной глазастой жабой – фары вынесены далеко вперед, а корпус, и без того невысокий, смотрелся сплюснутым под нависающим сверху вагоном-кемпером, тоже черным, но с желтой крышей. Чудище!

На этот раз встретились на свежем воздухе – у ворот нового коммунального гаража «Фальконе», что на левом берегу Сены, почти сразу за бульваром Сен-Мишель. В глубине одного из кирпичных корпусов и обитало чудище по имени Вспышка. Девушка, отдав своему спутнику ключи, принялась терпеливо ждать, когда оно соизволит проснуться и показаться на свет божий. Дождалась, поразилась – и слегка расстроилась.

– Дня три, не меньше, – уверенно заявил усач. – Только не торопите меня, мадемуазель Шапталь. Я его и через час на шоссе выгнать смогу, но, представьте, если обломаемся где-нибудь за Орлеаном. Как эту «Вспышку» прикажете чинить? Она же американка, ни запчастей, ни мастеров толковых. Здесь, в Париже, проще, кликну пару знакомых ребят, разберемся потихоньку.

Девушка решила не спорить. Шеф уже предупредил, что «Вспышка» хоть и не ветха летами, но не слишком здорова. Ехать же придется именно на ней, опять-таки по начальственной воле. Работодатель намекнул, что это не просто чудо-машина, но еще и подарок одного из организаторов выставки. Не стоит обижать хорошего человека.

Дипломатия на колесах с прицепным вагоном в придачу.

– Действуйте, – вздохнула Мод. – Нужны будут деньги, говорите. На три дня дел и в Париже хватит. И... Где тут у них курят?

От самодельной зажигалки знакомо пахло бензином. Девушка, поймав огонек, резко отдернула голову...

– Что-то не так, мадемуазель Шапталь? – негромко спросил усач. – Начальство? Но если чего, считайте, что вы меня просто не слышали.

Девушка пожала плечами. Как ответить? Косметика – вещь незаменимая, однако глаза не закрасишь. Можно, конечно, надеть темные очки, но остается голос. Гитара... У парня наверняка музыкальный слух.

Затянулась, вдохнула резкий табачный дым

⁶ Текст танго «Последнее воскресенье» написан Олегом Ладыженским, за что автор ему чрезвычайно признателен.

– Спала плохо. Не обращайтесь внимания, это у меня бывает.

И, предупреждая следующий вопрос, поспешила добавить:

– Лекарства пью. И – хватит об этом.

...Фаянсовый флакон все там же, на трюмо, за ширмой-косметичкой. Не выбросила, духу не хватило. И радио утром не стала включать, чтобы случайно не услышать:

Рай не светит нам, шагнувшим в бездну,
Новых воскресений нам не знать!

– Я здесь, Мод! Я уже здесь. Ай-й!..

Знакомый голос позволил отвлечься, перевести дух, и девушка мысленно поблагодарила черноволосого, умудрившегося опоздать и на этот раз. Добрался, и слава богу. Но почему «ай»?

– Я уже иду, бегу. Ой, как грязно!..

...За асфальтированным выездом из кирпичного корпуса – обычная парижская земляца в лужах от вчерашнего дождя, в потеках масла, бензина.

Ай!

Арман Кампо не шел, не бежал даже – прыгал, высоко вздергивая длинные ноги в туфлях-лодочках. На этот раз он был в светлом клетчатом костюме при галстук-бабочке с большой желтой орхидеей в петлице. Мод мельком отметила, что и этот костюм сидит на парне, словно влитой. Балуют красавчика, хороших портных приглашают, одевают цветочками. Вот только денег не дают.

– Я... – прыжок, – уже, – прыжок, – тут!

Поскользнулся, чуть не упав, выпрямился – и улыбнулся так, что все простить можно.

– Мод! Жорж! А почему надо ехать именно сюда? Здесь... Здесь такая ужасная грязь! Отогнали бы нашего першерона к «Гранд-отелю»...

Девушка оценила «першерона», усач же развел крепкими руками.

– Колеса подкачать нужно. Как раз вас, Арман, ждали. Пиджак можете закинуть в кемпер, а насос я сейчас принесу.

Черноволосый взглянул растерянно.

– Насос? А, простите, з-зачем? Я не создан для насоса, это так вульгарно! Мод, а в кемпере койки – они мягкие? Я, знаешь, на жестком спать не могу, это противоречит самой моей природе!..

И вновь улыбка, да такая умильная, что сразу кулаки разжимаются. Усач лишь хмыкнул, Мод же решила внести ясность.

– Койки две, откидные. Мы с Жоржем уже все решили. Моя – левая, если по ходу, правая – его. Водитель должен отдыхать и набираться сил, иначе никуда не доедем. Можешь, конечно, забрать мою...

Бонис, сохраняя невозмутимый вид, вновь негромко хмыкнул, но Арман отреагировал на диво спокойно:

– Я так и знал. В нашем путешествии будет господствовать кулачное право. Конец цивилизации в одном отдельно взятом кемпере... Мод, зачем все эти трудности? Сели бы в поезд, доехали, куда надо, все изучили, картины отправили бы тоже поездом...

Эксперт Шапталь тоже об этом подумала и даже решилась спросить шефа. Тот выложил на стол большую карту Французской республики с уже намеченным маршрутом. Случайно или нет, но железная дорога обходила нужные им места стороной. Добираться придется по шоссе, а то и по грунтовке. А кемпер...

«Вы представляете себе провинциальные гостиницы, мадемуазель Шапталь?»

Последний аргумент убедил даже Армана Кампо. При слове «провинциальные» его перевернуло.

– Но... Но зачем тогда вообще ездить? Не надо никуда ездить! – чуть подумав, решил черноволосый. – Кому нужно, сам картины пришлет. По почте. Лучшие отберем, остальным скажем «спасибо». Пусть обижаются!

– И получим хор обиженных как раз к открытию, – кивнула Мод. – Спасибо, это лишнее. План работы утвержден, Арман, и обсуждаться не будет. А дел у нас, ребята, много. На выставке в Рейхе будет четыре сотни работ, нацисты их из музеев изъяли. Мсье Шагал собрал более сотни, мы хотим вдвое больше. Двести хороших картин, причем таких, что еще не выставлялись! В Париже мы собрали чуть более семидесяти, еще два десятка будут готовы к открытию. Сегодня утром я, кстати, договорилась по поводу тех рисунков... Остальное предстоит найти нам. Есть адреса, есть заявки, кое-кто прислал репродукции...

– Но ведь нам нужно не просто хорошие работы, – негромко проговорил усач.

– Да! – подхватил черноволосый. – Нам требуются, извиняюсь, дегенераты. А как их отличить? Медицинскую справку требовать?

Вопрос – в самую точку. Его Мод и задала шефу.

* * *

– Именно для этого и нужны вы, мадемуазель Шапталь, именно вы. И не удивляйтесь. Прежде чем к вам обратиться, я постарался узнать о вас побольше. Вы не просто талантливая художница, вы – ученица гения. Я видел ваши картины. В живописи не слишком разбираюсь, но мне они понравились. Однако новых вы не пишете. Можете объяснить почему?

– Мой учитель – один из последних художников старого Салона. Сейчас это уже почти ругательство. Хвалят всех, от импрессионистов до нынешних, кому еще кличку не подобрали. А старый Салон – сборище скучных ретроградов и душителers всего прогрессивного.

– А на самом деле?

– Рисунок, цвет, композиция... Старый Салон – он и есть живопись. Остальное называйте как хотите, но – не этим словом.

– Тогда все просто, мадемуазель Шапталь. Рисунок, цвет, композиция – вот что нам требуется. Вам следует искать такие работы, пусть от содержания вас будет тошнить. Нам нужен профессионально сделанный кошмар!..

– ...А я смогу определить и то, и другое. Спасибо за доверие!

– Вы, конечно, можете спросить, зачем это вообще нужно? Отвечаю. Мы заработаем денег, но не это главное. Наша выставка нужна Франции, как ни высокопарно это звучит.

– Нужна Франции? Значит... Политика?

– Занимайтесь живописью, мадемуазель Шапталь. Политикой займусь я.

Глава 2

В пути

«Зеленая Минна». – Мсье Ростислав. – Плетцензее. – Усач и его гитара. – Приказано выжить. – Крылья мельниц. – «Кацет»

1

Вначале обмануло небо. Ни клочка синевы, одно только серое – тяжелые мрачные утюгитучи. Холодный ветер лез за ворот рубахи, под подошвами хлюпали лужи. Дождь, зарядивший ночью, почти перестал, уже не лило, моросило.

...И все-таки небо! Настоящее, во всю ширь, не жалкий клочок, перечеркнутый решетками. А тюремный забор можно просто вырезать – и бросить под ноги.

На малый миг он остановился, поглядел прямо в недоступный зенит...

– Иди, иди, – подбодрил охранник-эсэсман, – шевели копытами! «Зеленая Минна» заждалась.

И подтолкнул резиновой дубинкой между лопаток.

Словарь быстро пополнялся. Тюремный автомобиль, «Зеленая Минна», – никакая на самом деле не зеленая, обычный крытый грузовик под серым тентом. Короткая лестница, рядом – трое с карабинами, еще двое – в кузове.

Понимал, что не отпустят, но все-таки почему-то надеялся на гауптмана. Может, все-таки в казарму? Нет, не военные, обычные «эсэсы». Значит, от Понтия к Пилату.

Но все равно – второй шаг! Страшная «Колумбия» позади, не убили, и трибунал пролетел мимо. Ни одна бумага не подписана, он – всего лишь подозрительный эмигрант, пусть даже излишне строптивый.

– Полезай!

Тело не слушалось, мокрый металл скользил под руками, но он все-таки подтянулся и перебросил себя через борт. Еще одна дубинка указала направление – деревянная скамья слева, на ней четверо, лиц не разглядеть...

– Внимание! Во время следования всякие разговоры запрещены! Встать с места запрещено!..

От неба вновь остался малый лоскут в проеме между бортом и тентом. Конвоиры сели напротив, мотор «Минны» нетерпеливо заурчал...

– За всякое нарушение – эк-зе-ку-ци-я, попытка побега – расстрел на месте!..

Куда могут отправить, он даже не представлял. Места незнакомые, в этом пригороде Берлина бывать еще не приходилось. Название улицы успел заметить – Генерал Папенштрассе. А сзади аэропорт, мокрая взлетная полоса, но самолеты все равно летают. Взлет, посадка, снова взлет, серое одеяло облаков, а за ним – чистое синее небо.

...Открытые тюремные ворота, зеленые липы на Генерал Папенштрассе.

Ничего, еще увидит! Второй шаг...

Он попытался улыбнуться, и беззвучно, как уже привык, шевельнул губами.

Невидное глазом
Постигнет мой разум,
Не зря говорят:
Нет мыслям преград!

* * *

– Цуцванг! – невесело усмехнулся Шут, откладывая в сторону воскресный выпуск «Нью-Йорк Пост». Дипломированный экономист отдавал предпочтение солидной консервативной прессе.

Король, листавший «Нью-Йорк Монинг Телеграф», укоризненно покачал головой.

– Слова не по чину выбираешь. Дурак обязан говорить коротко и афористично.

– Куда уж дальше, куманёк? – Шут, похоже, искренне возмутился. – Цуцванг, да будет тебе известно, шахматная позиция...

Ловко уклонившись от летящей в лоб сигаретной пачки, бросил газету на столик, припечатал кулаком.

– Как ни ходи, будет только хуже. Это я про ту партейку с герром Бесноватым, которую мы с тобой затеяли. Вариант самый очевидный рассматривать не буду, возьмем почти невозможное. Гитлера нет – убит, свергнут, отправлен на пенсию со всеми почестями. Лучше станет?

Король не удивился, об этом приходилось толковать достаточно часто.

– Сам знаешь, хуже. Вместо него придет Геринг или еще кто-то из верхушки, на Бесноватого свалят все грехи режима, освободят политзаключенных, оставят в покое евреев и интеллигентов...

– Угу. И мы получаем самый настоящий Тысячелетний Рейх. Ладно, второй вариант... Гитлера все-таки удастся спровоцировать на большую войну. Франция, Британия, СССР, Штаты... Что останется от Германии? То, что и обещают фантасты в своих книжонках, только без всякой фиолетовой планеты Аргентины и Капитана Астероида. Ничего не делать вообще, оставить все ходы за Гитлером? Тогда он спокойно подготовится к большой войне – и победит. Берем кисточку и раскрашиваем карту Европы в коричневый цвет.

– Первое, – Король загнул палец. – Свержение власти НСДАП. Второе – создание консервативного правительства, лучше всего из военных и финансистов. Третье! Восстановление независимости Швейцарии, переговоры о статусе Богемии, в Австрии – плебисцит под контролем Лиги Наций. В Германии – амнистия всем, не запятнавшим руки кровью...

Шут лениво зевнул.

– Это уже не фантастика, куманёк, просто сказки. Могу предложить куда более реалистический вариант – десант с уже помянутой Аргентины. Десять тысяч суперменов с марсианскими ранцами атакуют с воздуха и разносят Рейх в мелкий щебень. Кстати, если верить прессе, неуловимый Ночной Орел пользуется именно таким аппаратом. Может быть, куманёк, подождем – лет этак пятьдесят?

– Ждать не будем! – возразил Король. – Все, что ты говоришь, верно лишь в одном случае – если играть ход за ходом, по их правилам. А если взять – и выдернуть доску из-под фигур?

– Да уж, коротко и афористично! – Шут всплеснул руками. – И это говорит политик!

Король мягко улыбнулся:

– Ну какой из меня политик, дружище? Я всего лишь волею Господней и повелением моего державного деда – законный наследник короны Виттельсбахов. Политика тут вообще ни при чем. Есть Бог, есть народ, и есть традиция.

– Иррационально рассуждаешь, твое королевское высочество.

– Совершенно верно.

2

Квартирка – маленький поезд о трех вагонах: спальня, салон и ресторан, даром что на кухне-ресторане и повернуться негде. Прихожая – локомотив, задает скорость и ритм. На работу, с работы, редкая радость – никуда не ходить. Гости, пусть и не слишком частые. Ровно в десять утра – звонок. Друзей Мод не ждала, у нее их просто нет. Значит – по делу.

Взгляд в зеркало-трюмо (флакончик все там же, за косметичкой), помада, последний, завершающий штрих. Результатом осталась не слишком довольна, но портрет уже не перепишешь. Быстрым шагом – в прихожую.

...За окнами – серые тяжелые тучи, стекла в мелких каплях, не окно, а чистый импрессионизм.

Взгляд в глазок, тяжелая стальная цепочка, замок – сердитый американец.

Клац!

– Здравствуйте, мадемуазель Шапталъ. Мне назначено.

...Молодой, ее немногим старше, остроносый, худой, на щеках – малые ямочки, скромный серый костюм, шляпа в руке, закрытый зонтик у ноги.

Симпатичный. Нерешительный. Не из богатых. И легкий, еле заметный акцент. Австриец? Нет, скорее поляк или чех.

– Заходите, – улыбнулась Мод. – Насколько я знаю, вас зовут Ростислав.

Эксперт – понятие весьма широкое, как и само искусство. Приходилось заниматься не только картинами. К мадемуазель Шапталъ обращались очень разные люди. Этого молодого человека попросил принять коллега, тоже эксперт, хоть и не по искусству.

– Заходите, заходите! Зонтик я поставлю в ванной, шляпу вешайте на крючок... И не смущайтесь, фамилия ваша мне не нужна, конфиденциальность гарантирую и – чем могу, помогу!

Привычные слова, привычная улыбка. Клиент! Только на этот раз слишком уж нерешительный. Или потому что иностранец – или дело не совсем обычное.

– Проходите, мсье Ростислав, садитесь. Мне кажется, вы не курите, но на всякий случай – пепельница на столе.

Работа эксперта учит наблюдательности. Не курит, смущается, фамилию прячет, видом никак не жулик. Что еще? Ухожен, накормлен, не женат. Акцент... А если вместе сложить? Мамин любимец, скорее всего, единственный сын, рос без отца.

Эмигрант...

* * *

– Да-да, о вашем гонораре меня предупредили, мадемуазель Шапталъ. Чек могу выписать прямо сейчас. И... У меня всего два вопроса.

Мод покачала головой. Не просто смущается, а словно урок не выучил. Никак нашкодил, парень? Нет, не похоже.

– Не спешите, мсье Ростислав. И не волнуйтесь, вы живы, здоровы, и полиция за вами не гонится. Итак, первый вопрос?

Закусил губу, на миг прикрыл глаза.

Выдохнул.

– Мне дали список самых известных парижских ясновидящих, сейчас я вам покажу. Посоветуйте, к кому лучше обратиться.

Работа обязывает. Мод не дрогнула лицом.

– Ответ бесплатный: ни к кому. Поберегите время и деньги, мсье Ростислав. А заодно и нервы. Результаты будут, мягко говоря, не очень точными. Они все жулики! Не верите мне, обратитесь в полицию, там материала на «Тысячу и одну ночь». Кого вам рекомендовали? Персидского мага Жеводюса, Лурдскую Девственницу и мадам Клеман?

Его рука, узкая, тонкой кости, скользнула в карман пиджака.

– Ну... В общем-то, да. Особенно мадам Клеман, говорят, она способна делать невероятные вещи...

Список все же не достал, и Мод вновь с трудом удержалась от улыбки. Остальные фамилии наверняка еще более «невероятные».

– Мсье Ростислав! Ключевое слово во всем, вами сказанном, – «говорят». За эти слухи мадам Клеман очень хорошо платит. Сама же берет такие деньги, что может устраивать целые

цирковые представления. Останетесь довольны! Но ведь вам требуется нечто иное, правда? А вообще-то у нее две судимости, причем первая – за карманные кражи.

Сказала, как есть – и пожалела парня. Прежде смутился, теперь же расстроился до невозможности. Виду постарался не подать, но голос дал слабину.

– Но... Но что мне делать, мадемуазель Шапталъ? Дело у меня очень... очень странное. Наука не может помочь, я обращался к серьезным специалистам. Может, ясновидящим все же что-то дано...

– Не дано! – отрезала Мод. – Вы, Ростислав, пришли к эксперту, так что слушайте. С первым вопросом ясно, давайте второй. Вы пришли ко мне, а не к обычному детективу, потому что речь идет о картине или рисунке?

Задумался, смешно дернул носом. Решился.

– Скорее, об изображении. Можно сказать, светописи...

Плотный картонный конверт. Фотографии на твердом паспорту. Одна, вторая, третья...

– Мне передали это полгода назад, мадемуазель Шапталъ. Человек, которому я верю, сообщил...

Мод подняла руку.

– Погодите! Сначала я посмотрю.

* * *

Рисунок, цвет, композиция... Рисунок удивительно четкий, наверняка со стеклянного негатива, виден каждый камешек, каждая пуговица. Лица... Пятеро, трое бородатые, словно средневековые разбойники, двое – определенно азиаты, безбородые, но с внушительными усами. На всех пятерых – меховые куртки и шапки, очень похожие, однако разного цвета. У всех темные, у того, что посередине, самого бородатого, – светлая.

Цвет... Золотистая сепия, ею увлекались в начале века.

Композиция – с этим все просто. Каменистая земля под ногами, слева – высокий деревянный крест, на нем табличка с не слишком аккуратной надписью. А вот текст не разобрать, буквы странные. Кириллица? Поверх всего цифры: 1902. Все пятеро стоят, самый бородатый – чуть впереди, лицо хмурое и величественное, сам себе памятник. У того, что слева, кончики усов лихо закручены вверх, тот, что справа, крепче и плечами шире.

Азиаты невозмутимы, на лицах ничего не прочтешь. У обоих в руках – карабины.

Всё? Нет, не всё, на заднем плане – гора с острыми скальными зубьями. Очень приметная, раз увидишь, не спутаешь.

А вместо резюме – затертая надпись на обратной стороне, вновь кириллица, но «VIII. 1903» разобрать можно.

Остальные снимки Мод проглядела бегло. Та же каменистая земля, гора у горизонта, деревянный крест, азиаты с карабинами и бородачи. Но уже не трое, меньше. И на одном снимке азиат, который слева, какой-то странный.

Теперь следовало взять увеличительное стекло, но девушка решила не спешить.

– Фотографии похожи на подлинные. Нужна настоящая экспертиза, но на первый взгляд тени совпадают, монтажа нет. Какие-то дикие места, охотничья партия или экспедиция. Канада либо Сибирь, но, учитывая кириллицу, скорее всего второе. Даты указаны. Так в чем проблема?

Мсье Ростислав ответил не сразу. Пальцы пробежались по скатерти, губы сжались в узкую щель.

– Проблема в том, мадемуазель Шапталъ, что эти фотографии не могут быть подлинными. Вы видели надпись? Август 1903 года! К этому времени почти всех, кто на снимке, уже не было в живых. Но это очень длинная история...

Очень длинных историй эксперт Мод уже успела наслушаться и давно научилась рубить их на короткие и понятные фрагменты.

– Начнем с финала, мсье Ростислав. Как фотографии попали к вам – и какое вы имеете отношение к этим бородатым мсье?

Гость задумался ненадолго, кивнул. Девушка между тем прикинула, что дело может оказаться не таким простым, как считал тот, кто рекомендовал клиента. У нее еще два дня, пока «Вспышка» в ремонте. А если не успеет? 1902 год – давненько все началось!

* * *

– Вы, вероятно, уже поняли, мадемуазель Шапталь, я – из семьи эмигрантов. Эти фотографии переслал нам адмирал французского флота, давний знакомый покойного отца. Фамилию назвать не имею права, но, уверяю вас, человек он очень серьезный и ответственный. Согласно его рассказу, фотографии прилагались к рукописи мемуаров русского инженера Михаила Бруснева. Написаны недавно, два года назад, и тогда же тайно переправлены через границу. На фотографии – один из эпизодов его жизни. В начале века Бруснев был участником Русской полярной экспедиции под руководством барона Эдуарда Толля. Вы правы, это действительно Сибирь, где-то возле полуострова Таймыр.

– Давайте догадаюсь, мсье Ростислав. Барон Толль – тот, кто посередине? В светлой шапке, грозный и бородатый?

– Совершенно верно. Слева – астроном Фридрих Зееберг...

– Кончики усов – вверх?

– Да. Справа – Бруснев. С ними – двое проводников из местных. Всех их очень легко узнать, от экспедиции остался большой фотоархив. А теперь о том, чего не могло быть. Прежде всего даты. Считается, что Толль, Зееберг и их проводники погибли осенью 1902 года. Бруснева с ними не было. Затем – гора, никто в экспедиции ее не видел, и в отчетах она не отмечена...

– Кажется, мсье Ростислав, мне прямо сейчас придется ехать в библиотеку. Но в чем ваш интерес? Кто-то из ваших предков путешествовал вместе с Толлем?

– Да, мой отец. Когда Толль и его спутники пропали, он возглавил спасательную экспедицию. Отец добрался до острова Беннет, нашел следы группы Толля, его письма, часть коллекций. Людей не было... Толля сочли погибшим.

– А если верить этим фотоснимкам, он был жив, находился у подножия неизвестной горы, причем в компании с мсье Брусневым... В мемуарах есть объяснение?

– И да, и нет. Бруснев пишет, что предпринял самостоятельные поиски, нашел некую землю, но о бароне Толле – ничего. Я хочу узнать, что тогда случилось, мадемуазель Шапталь. Уверен, мой отец поступил бы точно так же. Кстати, с фотографиями не все так просто, увидите.... И еще... После того, как я получил текст мемуаров и снимки, за мной начали следить. Нет, мадемуазель Шапталь, это не паранойя, у нашей семьи есть, к сожалению, немалый опыт. Моя фамилия – Колчак, я сын бывшего Верховного Правителя России.

3

...Камера – кирпичный пенал, окошко под потолком за густой решеткой, двухэтажные нары, обитая железом дверь – и календарики, шесть перечеркнутых цифр по серой штукатурке. Даже надпись над дверью есть, только не справа, а слева: «Красный фронт не сломить!»

Столик. Жестяная кружка. Ложка, на этот раз целая.

Второй шаг. Плетцензее, пересыльная тюрьма.

Дежа вю.

Ему не повезло, заперли в одиночке, ничего не став объяснять. Не сразу – вначале долго держали во дворе, под мелким дождем. Время от времени через ворота въезжали «Минны», извергая из чрева очередную партию счастливых. Все пока еще в своем, цивилизованном. Из коротких реплик, которыми, несмотря на запрет, перебрасывались соседи, Лонжа уже понял, что

в Плетцензее собирают тех, чьи дела закончены и переданы в суд. Значит и с ним, бывшим номером 880, разобрались, подписывай протокол, не подписывай...

Поговорить ни с кем не удалось. Болтливому соседу охранник приложил «пластырь» – огрел что есть силушки тяжелой плетью, которой обычно пользуются возчики.

Словарь пополнялся...

Когда в тюремном дворе собралось не менее сотни, охранник пролаял, и люди, не желая получить очередной «пластырь», побежали по железной наружной лестнице на второй этаж. Конвейер: канцелярия, пахнувший хлоркой душ, равнодушный врач, даже не смотревший на тех, кто стоит перед его столом.

Камера...

Пока вели коридорами, подгоняя ударами знакомых дубинок, Лонжа успел заметить, что в открытые двери камер загоняют сразу нескольких. Пересчитывают – и с грохотом захлопывают обитую железом дверь. По восемь человек, по четыре. Ему досталась одиночка, что сразу насторожило. Спросить не у кого, можно лишь строить версии. От самой простой – случайно вышло, до неприятнейшей, о которой и думать не хотелось.

Прежде чем захлопнулась дверь, ему вновь довелось услышать лай – надзиратель снизошел до короткой лекции о правилах внутреннего распорядка. Ничего нового, самое плохое – нельзя ложиться до отбоя. Тело протестовало, боль перекачивалась под кожей, гладкие деревянные нары казались лоном Авраамовым, о котором вещают священники в воскресных проповедях.

Он позвал песню, но слова не послушались, упорхнув легкими чайками. «Нет мыслям преград, они словно птицы над миром летят...»

Оставалось сидеть на краешке нары и терпеливо ждать отбоя. Была еще надежда, что выгонят на прогулку, где удастся с кем-нибудь переговорить, но время шло, в коридоре было тихо, двери камер оставались закрыты...

А еще ему не хватало самолетного гула. Словно небо закрылось.

Часы отобрали, но Лонжа ноющей от боли кожей чувствовал движение невидимых стрелок. Тик-так, тик-так, стучало сердце. А откуда-то из самого темного угла мягко подступало черное отчаяние. Самое страшное, когда ничего нельзя изменить. Свобода воли – высшее благо, дарованное Господом, осталась где-то за кирпичными стенами. Еще совсем недавно они с другом детства считали, что играют шахматную партию. Так и оказалось, только в реальности Лонжа стал не игроком, даже не фигурой – обычной пешкой. Сделали ход – и забыли. Могли бы и «съесть», но – отложили до следующего раза.

Мысли были отдельно, слух же существовал словно сам по себе. Дверь, хоть и обитая железом, не отсекала от мира, позволяя различить тяжелые шаги надзирателей, стук дверей иных, даже звяканье тяжелых ключей на поясе.

Ближе, ближе, еще ближе...

– Номер 445!

Не через дверь – через маленькое, врезанное в металл, окошко.

Встать!

– Пауль Рихтер, номер 445. Эмигрант, Черный фронт.

За дверью долго молчали. Наконец, послышалось негромкое:

– Тебе велели передать привет. И не путать фамилию.

...Тик-так, тик-так-тик-так! – зачастило сердце.

– Так точно! Гроссштойсер. Гросс-штой-сер...

Время качнулось тяжелой каменной горой – и неторопливо сдвинулось с места.

* * *

– ...Потому, Рихтер, я тебя в одиночку и оприходовал – чтобы поговорить без помех. Помочь мы тебе здесь не сможем. Из командиров тоже никого нет, чтобы ты мог им доложиться. Вести из Штатов – важные?

В камере было не слишком светло, но Лонжа постарался сдержать улыбку. Алкоголик Рихтер его чуть не погубил, но... Может быть заодно и выручит?

– Очень важные!

За дверью засопели – угрюмо и мрачно.

– Плохи дела, Рихтер. Метут всех наших подряд, широкой метлой. «Красным» легче, покаялся – и стал «бифштексом»⁷, даже в партию без кандидатского стажа записывают. А наши все, считай, по лагерям, по «кацетам»...

«Кацет» – еще одна строчка в словаре.

– Тебя тоже в «кацет» отправят, в Губертсгоф⁸, потому как подозрительный и нераска-
явшийся, это значит – синий винкель. Губертсгоф – не обычный лагерь, пересылка... Запони-
наешь?

– Да! – выдохнул он. – Губертсгоф. Синий винкель. Пересылка.

«Винкель» – еще строчка. И – вопросительный знак.

– Там наши есть, тебя оставят в постоянном контингенте. Перекантуешься где-нибудь при кухне, таких, как ты, больше полугода не держат. И выйдешь – весь перевоспитанный. Про Гроссштойсера не забудь...

Ряды цифр на серой известке беззвучно сорвались с мест, складываясь в ряды. Недели, месяцы... Полгода? Не годится, столько в запасе у него нет. Спросить про побег? А если за дверью – провокатор?

– В «кацете» тебя найдут и организуют встречу с кем надо. Ему ты, Рихтер, про Штаты все и расскажешь. И будет тебе еще задание, важное. Потянешь?

На этот раз Лонжа решил не прятать улыбку. Если уж пришлось играть в шахматы с самим Бесноватым...

– Так точно! Потяну.

И снова за дверью, за узкой щелью окошка – угрюмое сопение. Лонжа представил, как выглядит со стороны: грязный, избитый, брюки без пуговиц, порваны, рубашка в крови. А уж лицо!..

Боец!

– Задание тебе, Рихтер, вот какое. Губертсгоф – пересылка, народ все время меняется. Сейчас старые «кацеты» расформировывают, контингент перебрасывают в Бухенвальд, Заксенхаузен и Дахау. Губертсгоф – вроде перекрестка. А тебе нужен Бёргермор, «торфяной кацет». Запомнил, Рихтер?

– Бёргермор, – кивнул он. – Запомнил. Это там, где Болотные солдаты?

За окошком хмыкнули.

– Верно! Неужто и в Штатах уже слыхали? Молодцы там ребята! «Не томись тоской бесплодной, ведь не вечен снег зимы...» Найди туда ниточку, Рихтер – и потяни аккуратно. Связаться надо с Харальдом Пейпером, он – начальник штаба Германского сопротивления. Сразу говорю – трудно, у наших пока ничего не выходит. Осознал?

Лонжа вновь кивнул, на этот раз молча. «Грандиозная провокация... Слишком грандиозная...» Они с другом поспорили, и каждый остался при своих.

Спросить?

– А Германское сопротивление – это серьезно? В газетах всякое пишут.

⁷ «Бифштексами» (коричневыми снаружи, красными изнутри) называли вступивших в НСДАП коммунистов.

⁸ Губертсгоф – реальный концлагерь. Его описание в целом соответствует действительности. Читатели, возможно, обратят внимание на относительно «мягкий» режим заключения, однако следует помнить, что действие происходит в 1937 году.

Ответили не сразу. Вдали слышались шаги, окошко захлопнулось, потянулись долгие, тяжелые, словно свинец, секунды. Шаги стихли, но окошко все еще не открывалось.

«...Будет родина свободной, будем с ней свободны мы!»

Открылось!

– Стоишь, Рихтер? Правильно, бдительность сохраняй! Газетчики ни хрена не знают, а я тебе скажу. Германское сопротивление – серьезней некуда. Они кабинет самого главного спалили, теперь принялись жечь виллы наших бонз. Хитро жгут – чтобы случайных жертв не было. Недавно Роберта Лея без загородного дома оставили, на пожарище все съехались – кроме главного, он, говорят, от злости по полу катался и ковры жевал. А еще побеги организывают – такие, что и в сказках не бывает. Это лишь то, что я знаю, Рихтер. Найди дорожку к камраду Пейперу, всем нам поможешь. Ты же – парень ловкий, циркач!

– Цирковой, – не думая, поправил он. На допросе сдержался, успел укунить себя за язык. Теперь за дверью соизволили посмеяться.

– Знаю! Это я тебя подкалываю, чтобы не закинул. И еще, Рихтер. Слушок прошел, что в тюрьмах и «кацетах» народ набирают, вроде как в армию. Кровью искупить, значит. Только никакая это не армия, смертников ищут, с билетом в один конец. Их вояки между собой иначе как «ублюдками» не титулуют. Говорят, в Венгрию пошлют, с румынами резаться. Ты, Рихтер, туда не суйся, иначе Святому Петру рапорт отдавать пойдешь...

И снова шаги в коридоре. Тяжелые, грузные, вразвалку.

– Все, Рихтер! Я сказал – ты понял.

Окошко с лязгом захлопнулось, но он еще долго стоял, не двигаясь с места. Запоминал, слово в слово, даже не пытаясь осмыслить. И лишь когда присел на холодные неровные нары, когда Время вновь потекло привычно, услышанное наконец сплелось в единый узор, затейливый и пока не слишком понятный.

«Кацет» – Харальд Пейпер – серый гауптман – Венгрия – румыны.

Венгрия?

* * *

– Большой войны в Европе не хочет никто, – констатировал Шут. – Никому неохота делать большие ставки, куманёк. Потому и в Испании войну заморозили, боялись, что на весь континент полыхнет. А вот слегка подраться в глухом уголке – почему бы и нет? Надо же испытать новую технику! На Пиренеях не вышло, значит, найдут иное место.

Король лишь пожал плечами.

– Ты стал скучен, дурачина. Осталось пожаловать тебя титулом сеньора де Ла Палиса⁹. Добавь еще, что Франция не прочь подгадить Рейху – и наоборот. Поэтому Бесноватый так трогательно дружит с Польшей. Больше на него натравить и некого, Сталин, которым всех пугают, – за «санитарным кордоном»: Польша, прибалтийские лимитрофы, Румыния. Вот когда этот кордон начнут пробивать, тогда и стоит задуматься. А самого Сталина уже не первый год пугают германо-польской агрессией, но у него крепкие нервы. Но где-то точно полыхнет, причем скоро.

– Ключ! – прищелкнул тонкими пальцами Шут. – За ключом надо следить. Куда повернется – там и бабахнет.

Наследник Виттельсбахов укоризненно покачал головой.

– Сегодня же указ подпишу, сеньор де Ла Палис. Легион «Кондор» мы отслеживаем, сейчас его перебрасывают на юг, в протекторат Богемия, на чешские аэродромы, туда сам Геринг дважды летал. Рядом Венгрия, но она – союзник Рейха.

Новоявленный сеньор печально вздохнул.

⁹ Сеньор де Ла Палис – то же, что и Капитан Очевидность. «Сеньор де Ла Палис погиб, погиб под Павией. За четверть часа до своей смерти он был еще жив» (старинная песня).

– Кажется, я сейчас сморожу очередную пошлость, но за Венгрией, куманёк, – румынская Трансильвания. А живут в ней, как ты знаешь, главным образом венгры.

Оба они следили за «клювом», за элитной авиацией Рейха.

А здесь – ублюдки.

4

– Стоило ли роскошествовать? Картошку я бы и сам пожарил, – осуждающе молвил Жорж Бонис, с немалой осторожностью водружая на столик бутылку марсельской граппы. Тот был весьма мал, едва вместив тарелки вкупе со столовыми приборами. Все прочее, только что доставленное посыльным из ближайшего ресторанчика, пришлось разместить на другом столе – откидном, слева от окошка. В кемпере оказалось не слишком просторно. Две комнатки-каюты – столовая и спальня. В столовой и разместились.

– В следующий раз – обязательно, – пообещала Мод, пытаясь отыскать место для второй скляницы, на этот раз – простенького «Кло де вужо» из того же магазина. – Вы и так весь день работали. Кстати, насчет работы. Если наш альфо...

Осеклась и прикусила язык.

– Симпатичный молодой человек, – невозмутимо подхватил усач. – У меня такое чувство, мадемуазель, что нам не придется долго ждать. Вид у парня был весьма и весьма голодный.

Этим утром, здесь же, в коммунальном гараже «Фальконе», состоялись испытания заморского чуда. «Pontiac Silver Streak», модель 1935 года, с грозным рычанием выкатил на свет божий и, приняв на борт экипаж, неторопливо отбыл в первое, недолгое путешествие по соседним улицам. Мод, на правах командора будущего пробега, заняла место рядом с водителем, черноволосый же заявил, что желает испытать кемпер. Ездили час с небольшим и остались довольны, только Арман Кампо влил ложку дегтя, заявив, что трясти могло бы и поменьше.

Отметить все случившееся решили вечером. Девушка сходила в ближайший ресторан и заказала мясо по-бургундски с картофелем фри. Усач озаботился напитками, а их спутник твердо пообещал не опаздывать.

Мод, поглядев на часы (без двух – семь пополудни), твердо решила, что ждать не станет. Все эти дни Жорж Бонис не вылезал из гаража, она тоже не бездельничала, а красавчик Арман...

Нет, возможно, он тоже работал. Но не руками.

– Днем была в библиотеке, – задумчиво проговорила она. – В филиале Национальной, на Страсбургском бульваре. Просмотрела дневник одного русского полярника. Текст на немецком, кое-что разобрала. Он, этот путешественник, был, конечно, сумасшедшим, если с нашей, обывательской горки смотреть. Но, знаете, Жорж, на какой-то миг мне почудилось, что и мы собираемся не в вояж по прекрасной Франции, а напрямую в тундру, к полярным медведям. Испугалась, а потом подумала: почему бы и нет?

Усач негромко рассмеялся.

– Да я бы не против, мадемуазель. Работа – везде работа, а на севере наверняка платят втрое. Осталось только спросить у мсье Кампо...

– А? Я уже здесь! – прозвучало из-за приоткрытой дверцы. – Без меня не начинайте!..

Жорж Бонис многозначительно хмыкнул. Девушка согласно кивнула. Проголодался альфо... симпатичный молодой человек. Дав себе зарок в дальнейшем следить за речью, повернулась.

– О боже!

Вместо черноволосого в кемпер неторопливо вплыл огромный букет белых лилий. Точечные лепестки, длинные, изящные стебли, перевитые широкой, синей с золотыми прожилками, лентой... Арман обнаружился уже за ним – букет парень нес в вытянутых руках.

– Всем добрый вечер! Давайте это куда-нибудь поставим. Вышел из такси, а там – цветочный магазин. Я подумал, что без цветов будет как-то неуютно. Люблю все красивое!

«И кто это у нас здесь роскошествует?», – задумчиво спросила Мод.

Не вслух, конечно, про себя, но Жорж Бонис, явно догадавшись, выразительно огладил усы.

Подмигнул.

* * *

– А зачем нам радио? Жорж, где ваша гитара?

Покойный мсье Шапталь, дед по матери, остался бы доволен: работники, проявив завидный аппетит, очень быстро очистили стол, освобождая место для пепельницы и блюда с нарезанным сыром. Прежде чем усач в очередной раз наполнил рюмки, Мод вспомнила о радиоприемнике, новинке от Galvin Manufacturing Corporation, вмонтированном рядом с откидным столиком. О гитаре же она напрочь забыла, тем более в каюте-столовой ее не оказалось. Вспомнил о ней Кампо, чем несколько смутил Бониса.

– Гитара? – не слишком охотно откликнулся тот. – В машине, на заднем сиденье. А зачем она? Я даже играть толком не умею.

И отвернулся.

На этот раз переглядываться довелось девушке и Арману. Мод хотела что-то сказать, но чернявый с заговорщицким видом приложил палец к губам.

– То есть немного играю, – задумчиво продолжил усач. – Но, знаете, у меня песни... разные. Не хотелось бы кое-кого... смущать.

Мод улыбнулась:

– Меня – точно не смутите. Разве что Армана, он у нас натура нежная...

– Да ладно вам, – махнул ладонью Кампо. – Я просто сделаю вид, что этих слов не знаю.

Жорж Бонис шумно вздохнул, встал и шагнул к выходу. Проводив его взглядом, девушка подождала, когда дверца хлопнет, и резко повернулась. Зацепила взглядом роскошный букет.

– Деньги – откуда? Только не лги! И не говори, что это не мое дело.

Ожидала обиды, все-таки круто взяла. Но и неприятностей не хотелось. За работу не руками парню денег не платят, перстень по-прежнему на указательном пальце, в карты черноволосый играть не мастак. Деньги не украл, конечно, но зачем ей неприятности с чужими заимодавцами? Еще погоню вслед пустят!

Обижаться, однако, Арман не стал. Приосанившись, тряхнул густыми кудрями.

– Аванс дали. Есть на свете люди щедрые!

Девушка прикинула, за какие подвиги такому положен аванс...

– А что? – парень недоуменно моргнул. – Заключил договор на книгу. Вот прямо здесь и буду писать, за столом. За месяц управлюсь.

Возразить было нечего, Мод и сама занималась не только будущей выставкой. Пока трудяга Жорж приводил в порядок «Вспышку», девушка успела ознакомиться и с историей Русской полярной экспедиции, и с великой загадкой Земли Санникова. А заодно изучить фотографии, что оказалось самым интересным.

Каждый ищет свой хлеб!

– Книжка-то о чем? – вздохнула она. – На мемуары замахнулся?

Арман внезапно подмигнул, точь-в-точь, как усач.

– Забытые кулинарные рецепты Франции! Их в каждой деревне – с две дюжины, на несколько томов хватит. И... Если нам на денек придется отклониться от маршрута... Ничего?

От маршрута? Мод набрала в грудь побольше воздуха, но тут вновь негромко хлопнула входная дверца.

– Вот! – невесело сообщил Бонис, предъявляя скромную, явно выдавшую виды гитару на широкой брезентовой лямке. – Но, может, я просто сыграю? Понимаете, мой репертуар...

– Сейчас пойдем, – пообещала Мод.

Усача тоже неплохо бы разъяснить. Эксперт Шапталь не очень верила, что парня арестовали за обычную песенку. На бомбиста-террориста не слишком похож, но...

Жорж Бонис, с обреченным видом отодвинув стул, присел, гитара скользнула в руки.

– Так вот, о репертуаре...

Я сквернослов.
Из бранных слов
Составил я свой часослов.
Наш предок галл,
Что редко лгал,
Как четки их перебирал.
От звонаря
До короля
Ругались люди почему зря,
За бранью не лезли в карман,
И бил искрометный фонтан:
Что ты, morbleu, совсем ventrebleu!
Да и какого ты cornegidouille...¹⁰

Оборвав песню на полуслове, усмехнулся, пригладил усы.

– И тому подобное...

– А-а! А дальше? – встрепнулся Арман. – Жорж, так не годится, на самом интересном месте!..

Усач промолчал, но выразительно поглядел в сторону Мод. Девушка и сама была не прочь узнать, что там, в искрометном фонтане, тем более успела оценить и голос, и манеру, но все же решила не смущать парня.

– А дальше мсье Бонис поработает над только что помянутым репертуаром. Чего-нибудь подходящее, думаю, все-таки найдется?

– Разве что про девушек, – задумался усач. – Но там, знаете, тоже...

Гитара вновь скользнула в руки.

Весь в мыле я примчался на свиданье к Маринетте —
Неверную красотку обжимал какой-то тип.
С букетиком своим я смотрелся очень глупо,
С ним выглядел, ей-богу, как осел!

Поморщился, отложил инструмент,

– Это я еще немного смягчил... ради компании.

– Угу, – кивнула эксперт Шапталь. – Знаете, ребята, сейчас я покажусь невежливой, но на правах вашего начальника... Арман, погуляй, пожалуйста, минут десять...

– Не надо! – Жорж Бонис закусил губу. – Хотите узнать, как я с властями не поладил? Хорошо, спою от начала до того места, где мне руки крутить начали.

Сверкнул серыми глазами, поудобнее пристроил подругу-гитару.

– Песня называется «Король мудаков».

Прежде чем пальцы коснулись струн, Мод успела заметить, как весело блеснул взгляд красавчика Армана.

¹⁰ Здесь и далее песни Жоржа Брассенса цитируются в переводах М. Фрейдкина и Н. Стрижевской.

Так ведется с давних времен у народов всех и племен:
Нам мешая жить по-людски, миром правят мудак.

Главы всех правительств и стран входят в этот родственный клан.
Держит свора мудрых владык всю планету за кадык.

Кризис, спад, дефолт и застой не страшны династии той.
Мор, война, импичмент, мятеж – а у власти-то всё те ж.

Да, их можно трона лишить – свергнуть или, скажем, пришить,
Но на троне эдак ли, так вновь окажется мудака.

Все на Рейне ждут втихаря: скоро ль фюрер даст дубаря,
Чтобы завтра править страной стал мудака очередной...

Замолчал, взглянул с вызовом.

– В следующий раз ждем полный вариант, – невозмутимо заметила Мод. – Будем считать, Жорж, что ваш репертуар мы утвердили. Арман, вы согласны?

Арман Кампо ответил неожиданно серьезно:

– Не возражаю. «Все на Рейне ждут втихаря...» Эх, если бы так! «Знамена вверх! В шеренгах, плотно слитых, СА идут, спокойны и тверды...» И ничего нельзя сделать, ничего! И умереть – тоже нельзя!..

Мод настолько изумилась, что даже не нашлась, что сказать. Когда же собралась с мыслями, черноволосый вновь стал прежним – улыбчивым, беззаботным.

Красавчик!

5

– Нельзя! – как можно тверже проговорил Лонжа, отстраняясь от соседа. – Нельзя умирать!

Тот едва ли услышал. Поглядел белыми пустыми глазами и вновь зарядил свое:

– Умру! Умру! Умру! Умру!..

Худой, весь какой-то синюшный, на длинной дряблой шее – острый кадык. Сколько лет – не поймешь, то ли сорок, то ли все шестьдесят.

– Умру... умру...

– Доходяга, – послышался шепот справа, где сидел крепкий плечистый мужчина средних лет. – Сломали. Но не помрет, если не прикончат, такие – самые живучие.

Спорить Лонжа не решился. В этом аду он делал всего лишь первые шаги. Арест, «Колумбия», Плетцензее, теперь – арестантский вагон. Почти сутки в пути, пока еще никуда не прибыли. Неудивительно, час едут – три стоят. Теперь он был рад даже тучам, майское солнце бы давно превратило вагон в жаровню.

Теперь за окнами вечер. Они вновь стоят, уже больше полутора часов.

На этот раз словарь не пополнился. Вагон был просто вагоном с обычными деревянными скамьями, только окна зашиты жестью. Ему досталось место неподалеку от тамбура, где скупача «черная» охрана. Вагон оказался заполнен почти целиком, причем нескольких пассажиров привели прямо в цепи, словно галерных рабов. Этих разместили отдельно, посередине, оставив спереди и сзади по пустой лавке и обеспечив особой охраной.

Еда не полагалась, один раз выдали по кружке воды. Кто-то наивный попытался возмутиться, ссылаясь на инструкцию по транспортировке заключенных, и тут же заработал полноценных «пластырей». Сидеть ему уже не пришлось, так и бросили в проходе.

Разговаривать, естественно, запретили, но кое-кто все равно перешептывался, рискуя попасть под очередной «пластырь». Лонже не повезло – соседи попались необщительные. Молчали, а потом «доходяга» завел свою шарманку:

– Умру... умру... умру...

Теперь уже – еле слышным шепотом, перемежаемым хриплыми вздохами. Белые глаза закрылись.

– Нельзя умирать, – внезапно повторил тот, что справа. – Это ты верно сказал, камрад. За что тебя? Курил в кинотеатре?

Лонжа чуть подумал, раскрыл невидимый словарь – и ответил честно:

– Домой, в Германию, вернулся... А... А как правильно сказать?

Сосед быстро оглянулся и пояснил шепотом:

– Незнакомым о причине ареста не говорят. Но, чтобы своих отыскать...

Умолк, провожая взглядом лениво бредущего охранника.

– ...Отвечают так. Уголовники – ни за что или что «безвинно» страдает. Коммунисты – что курил в кинотеатре. Не твой случай?

Лонжа виновато улыбнулся.

– Вижу... Если Черный фронт, то «поругался с шущманом». У бродяг и бездомных – свой ответ, и у тех, с мужчинами которые, свой. Но этого, уж извини, не знаю, неинтересно. Значит, «черный»? За Отто Штрассера?

– Эмигрант. Вернулся – и оказался «черным».

Сосед вновь кивнул, поглядел внимательно, словно запоминая. Замолчал. Словарь пополнился, но поговорить толком не удалось. Курящим в кинотеатре не о чем беседовать с теми, кто ругается с полицией...

Легкий толчок, свисток паровоза... Поехали.

– Ма-а-алчать! – рявкнул вновь появившийся в проходе «черный» охранник – вероятно от великой скуки. А может, и проигрался: в тамбуре уже не первый час лупили картами по откидному столику. Лонжа внезапно подумал, что убить крикуна не составит труда. Нападения эсэсман не ждет, пистолет в кобуре, дубинкой же можно воспользоваться и самому. Пока остальные добегут, пока выхватят оружие и нашьпигуют пулями, этому голосистому полный капут придет. И не надо будет ехать ни в какой «кацет»! Зато возьмут в Валгаллу, все-таки с оружием в руках, хоть это и трофейная дубинка.

А всем прочим урок будет. Пусть увидят, что люди остаются людьми, а не баранами на бойне. Кто-то должен стать первым.

Значит, не зря!

Лонжа закрыл глаза, резко выдохнул. Нельзя, нельзя! Путь в Валгаллу, на янтарный пирс, в зал с золотыми щитами, для него пока закрыт. Умирать запрещено, приказано выжить...

Стучали колеса на стыках, из щелей несло угольной гарью, сосед слева по-прежнему что-то бормотал. Поезд ехал из одной дурной бесконечности в другую, такую же дурную, и само Время, устав бродить по кругу, прервало свой вечный ход. Лишь сердце по-прежнему билось, отсчитывая отрывавшиеся от жизни секунды: – Тик-так, тик-так, тик-так...

– Никодим! – неслышно поманил его женский голос, – Никодим!..

Упрямый Лонжа сделал вид, что зовут совсем не его. Усмехнулся – и так же неслышно завел свое:

Печалим – ни дня,
Да сгинет забота!

Чертям пусть меня
Поджарить охота.
Не надо бояться
Шутить и смеяться,
Подумаешь, Ад:
Нет мыслям преград!

* * *

Цирк был и оставался первой, незабытой и горькой любовью двух вчерашних мальчишек. Все бы сложилось проще, если бы в то далекое лето поднятые по тревоге родители забрали будущих Короля и Шута из веселой бродячей труппы Ринголи, выдернув с грядки, не дав прорасти и зацепиться корнями. Больно, обидно – и памятно, словно увиденное среди серой реальности случайное окошко в иной, яркий и сказочный мир. Сладость несбывшегося... Но кто-то из отцов, то ли наследный принц, то ли преуспевающий бизнесмен-торговец, вспомнил опыт предков, интриговавших у трона. Поступили зло и мудро – прислали адвоката. Бумага на бланке, короткий и ясный текст: работа во время каникул разрешается под полную ответственность имярек, однако с обязательством непременно вернуться в школу к началу нового учебного года. В противном случае в дело вступит закон со всеми вытекающими, вплоть до помещения в исправительное заведение.

Мальчишки подумали и подписали – не из страха перед «заведением», а из разумного желания закончить учебу. И попали в ловушку – цирковым нельзя стать за время коротких гастролей. Цирк, как и трон, выбирают на всю жизнь.

Через год, когда вновь настало лето, Король и Шут опять устроились в труппу Ринголи. Их приняли охотно – и вручили по метле. Как выяснилось, мести арену – тоже искусство. Мальчишки сцепили зубы – и согласились. Вскоре один снова работал в конюшне, второй, сделав шаг в карьере, стал помощником администратора, но стало ясно – дальше ходу нет. Второе лето подошло к концу – и сказка кончилась. Навсегда.

– Может, и к лучшему, – философски заметил повзрослевший Король. Парню уже объяснили, что клоуном ему не стать, и в самом удачном варианте быть ему униформистом, рабочим на арене. И то едва ли – ростом не вышел. Зато звали в администраторы, однако советовали для начала закончить школу. А ко всему – первая безнадежная любовь к красавице-акробатке, которая ходила по проволоке, махала белой рукой – и поначалу не устаивала Короля даже случайным взглядом. Потом внезапно снизошла – и столь же молниеносно бросила, предпочтя ему силового акробата.

Шут же потерпел настоящий творческий крах. Начитавшись за месяцы учебы книг, он решил во второе лето переломить судьбу – подготовить конный номер. Удалось сдружиться с цирковым красавцем-конем с гордой кличкой Цезарь и даже начать потихоньку тренироваться – пока старшие коллеги не объяснили, что к чему.

– «Мазеппа», – начал свой рассказ Шут после того, как немного отмяк. – Нет, не гетман Иоганн Мазепа, который с царем Петром воевал, а именно так, через два «п». Трюк для жокея – привязывают к спине лошади, пускают по кругу, ну, а дальше – страшные муки и счастливое спасение. Точно как у Байрона, из его поэмы все это и взяли. Собственно, ничего особенного – езда в положении лежа на спине без поддержки руками, потом – вертушка... Сейчас – обычный элемент джигитовки. Но сделать можно очень красиво!

– Так возьми – и сделай! – удивился Король, но друг лишь горько вздохнул.

– Сделали еще сто лет назад, в цирке Франкони, во Франции. Но это не страшно, наш провинциальный зритель про Франкони не знает. Беда в том, что сейчас «мазеппа» – женский номер. В Штатах его впервые поставила Ада Айзекс, а потом пошло по всему миру. Если в

афише «мазеппа», то все ждут красавицы в трико телесного цвета. Или без трико – если требуется поднять сборы. Только ты не смейся...

Король конечно же смеяться не стал, но, кое-что повидав за это лето, рассудил, что и у его друга есть некий шанс, особенно в глазах дам, которым за тридцать. Мысли спрятал подальше и выдал королевское резюме:

– Значит, судьба. Опоздали мы с тобой!

– На сто лет, – уточнил Шут. – Были бы мы собственными прапрадедушками!

Король, обладавший живым воображением, оценил сказанное.

Мудрые родители победили. Шут отправился в колледж, а затем в университет – учиться на экономиста, Короля же поджидал сюрприз. Вместо ненавистного юридического, отец послал его в Европу, в одну из тихих скандинавских стран. Тамошний монарх давно уже толком не правил, поручив дела парламенту, однако его влияния хватило, чтобы устроить родственника-эмигранта в военное училище.

На свою первую войну друзья отправились вместе. Вначале советниками, а потом довелось и пострелять.

Готовясь к поездке на родину предков, в Фатерлянд, Лонжа сшил свою легенду из трех судеб: собственной, друга и незадачливого акробата Пауля Рихтера. На допросах держался твердо – разоблачить его мог только служивший в настоящем цирке, знающий, как пахнет свежая стружка на арене. Пока везло, но тот, кто не стал танцевать белый танец, понимал – любое везение кончается. Строптивного эмигранта обязательно проверят. Найдут нужного человечка, а тот, не мудрствуя лукаво, подойдет и спросит:

– Цирковой?

6

Такси остановилось чуть в стороне от подъезда, но Мод не спешила выходить. Расплатившись и велев таксисту немного обождать, девушка сперва осмотрелась, затем, достав из сумочки блокнот, сверила номера припаркованных у тротуара автомобилей и лишь потом открыла дверь.

...Дом самый обычный, четырехэтажка начала века, подъезд третий, старые каштаны под окнами, разбитый тротуар. Клиньянкур, северные задворки Парижа. Этот, давно не знавший ремонта особняк в желтой осыпавшейся краске – еще не из худших.

Ровно одиннадцать. Моряки, как правило, пунктуальны, а вот их потомки...

...Пунктуальны не в меньшей степени. Мсье Ростислав именно в этот миг появился на невысоком бетонном крыльце. Увидел, махнул рукой...

Встретились как раз посередине короткой дорожки – от подъезда к тротуару.

– Здравствуйте, мадемуазель Шапталъ, – парень улыбался, но несколько растерянно. – Знаете, я даже цветы думал купить ради конспирации.

Вовремя укусив себя за язык (ради конспирации – не надо!), Мод кивнула на дверь подъезда.

– Поднимемся? У вас там найдется пустой лестничный пролет?

И сама взяла адмиральского сына под руку.

Цветы никого не обманут – в узких кругах эксперт Шапталъ хорошо известна. А сейчас вокруг них даже не круг – кольцо.

* * *

Эдуарду Васильевичу Толлю было двадцать девять лет, когда он увидел Землю Санникова. Случилось это в августе 1886 года в ясную погоду с северо-западных утесов острова Котельного. Толль смотрел на северо-восток. Там, в нескольких десятках верст, лежал хорошо различимый обрывистый берег со столбообразными горами. Именно эту землю описал в дав-

ние годы сибирский промышленник Яков Санников. С тех пор она, так и неоткрытая, стала пунктирной линией на карте, неопределенностью непознанного мира.

Эдуард Толль решил покончить с пунктиром, упорядочив мир.

В июне 1900 года, под занавес века, от пристани на Неве отчалила шхуна «Заря». Толль шел к Земле Санникова. А в начале декабря года от Рождества Христова 1902-го лейтенант Колчак, гидролог экспедиции, доложил Академии наук о неудаче. Пунктир оказался сильнее человеческой воли. «Заря» была брошена. Эдуард Толль исчез, уйдя с несколькими спутниками на остров Беннет, откуда рассчитывал добраться до виденного им когда-то обрывистого берега.

В августе 1903 года упрямый Колчак прорвался сквозь льды к острову Беннет, однако ни Толля, ни его спутников не нашел. А на северо-востоке, там, где должна была быть земля, клубился густой туман Великой Сибирской полыни.

* * *

– Узнаете, мсье Ростислав?

Одна из фотографий, но не вся – малый фрагмент, заботливо вытянутый увеличителем. Без сепии – лишь черное с белым.

– Но об этом позже, сначала о главном. Вы не ошиблись, за вами действительно следят. Я попросила моих друзей проверить и... Увы! Одна из машин у подъезда, желтый «пежо». Если хотите, могу сообщить номер.

Не шепотом – но вполголоса. Лестничная площадка между вторым и третьим этажами пуста, как и пролеты, ведущие вверх и вниз, но мало ли какие уши растут из прочно запертых квартирных дверей?

– Можно их вычислить и прижать, но это ничего не даст. Скорее всего, обычное частное сыскное агентство. Заказчика не назовут, и он придумает что-нибудь похитрее.

– Понимаю, – негромко проговорил Колчак.

Лицо парня изменилось, став похожим на фотографию из «Большого словаря Ларусс». Теперь ему определенно пошел бы белый адмиральский мундир.

– Понимаю, что втравил вас в историю, мадемуазель Шапталъ. Вы же искусствовед, такие дела – не ваш профиль...

Мод вспомнила свой профиль, неоднократно рисованный (подбородок! нос!), но виду не показала. Симпатичному русскому парню ее проблемы ни к чему – равно как и то, чем зарабатывает свой хлеб скромный искусствовед Шапталъ.

– Теперь о фотографии. Узнали?

Неровный картонный квадратик перешел из рук в руки. Молодой человек пожал плечами.

– Это со снимка, где барон Толль и Бруснев вдвоем, без Зееберга. Слева проводник, вероятно Николай Протодряконов, а справа этот господин. Лицо вполоборота, сразу не узнать. И потом не узнать, это европеец, причем не из экспедиции Толля.

– В плаще, – кивнула Мод, – самом обычном, на пуговицах. И в английском кепи-двухкозырке, как у Шерлока Холмса, если иллюстрациям верить. А это, между прочим, Крайний Север. Теперь понимаете, мсье Ростислав, почему вами заинтересовались?

Колчак ответил не сразу. Прищелкнул тонкими пальцами, усмехнулся.

– Если применить дедуктивный метод, то самое простое – самое верное. Это снято на зимовье Бруснева до похода на остров Беннет. Там были разные люди, в том числе политические ссыльные, как и сам Михаил Иванович. Почему бы этому неизвестному не надеть плащ, если мороза нет? Но дата на кресте... И гора.

Про гору Мод уже успела прочесть – кроме фотографий, гость оставил ей отрывки из мемуаров Бруснева, переведенные на французский. История выходила и вправду занятной, хоть роман пиши. Колчак-старший, тогда еще лейтенант, в поисках пропавшей партии Толля

прибыл на остров Беннет и барона Толля там не нашел. А через несколько дней, не застав Колчака, на острове высадился Бруснев... и заметил на северо-востоке землю. Пospешив туда, пристал к каменистому берегу, увидел большую гору с зубьями-скалами, которую принял за вулкан. Все это описал – но ни словом не помянул ни пропавшего Толля, ни его спутников, ни, само собой, незнакомца в кепи-двухкозырке.

– Почти наверняка, мсье Ростислав, за вами следят из-за этого снимка. Он – единственное доказательство того, что Бруснев пишет в своих мемуарах правду. Ничего иного у нас нет. Сейчас Земли Санникова уже не существует, это увидели русские летчики. А рукопись Бруснева – всего лишь слова, фантастический роман. Мой вам совет – заявите в полицию, скажите, что за вами следят большевики. Ваш отец не только Верховный Правитель, но и кавалер офицерского креста Ордена Почетного легиона.

– Заявлю, – согласился мсье Ростислав. – Ради себя самого не стал бы, но я живу с мамой.

– Фотографии спрячьте – не дома и не в банковском сейфе, а, допустим, у вашего знакомого адмирала. И не соглашайтесь ни на какие встречи без ведома полиции. А я займусь вашим делом дальше.

– Разберусь, не волнуйтесь! – Колчак дернул острым подбородком. – Но вы, мадемуазель Шапताल, тоже в опасности!

Девушка лишь поморщилась.

– Я не съедобная. И поверьте, встреча, на которую я сейчас поеду, беспокоит меня куда больше.

Подумала – и поняла, что сказала чистую правду.

* * *

Можно ссориться с родителями, не соглашаться с учителем и коллегами, бросить вызов слишком быстро идущему вперед Прогрессу. Все не правы, я права! Ничего не поделает лишь с мельницами Судьбы. Жернова вертятся хоть и неспешно, однако неостановимо, а решетчатые крылья упираются острыми стрелками точно в небосвод¹¹. Весна, лето, осень, зима – и снова весна. Звенит первая капель, звенят ключи в сумочке, просыпается уснувшее сердце, и кровь, отравленная и проклятая дедова кровь, наследство Поля Верлена, начинает биться в висках.

В графе «личная жизнь» давно уже красуется черта шириною в речку Сену, если смотреть с моста Аустерлиц. Сама и провела, когда поняла, что некоторые вещи во Вселенной существуют лишь в единственном экземпляре – как картины Энгра. И новый поворот мельничных крыльев все равно будет иным. Прежний – не повторится.

Сердце спало, и дедова кровь не бунтовала. Но жернова мельниц вертелись безостановочно, острые крылья упирались в небосвод, чтобы однажды холодным мартом сойтись воедино вопреки всем законам механики. И зазвенела капель, и зазвенели ключи в сумочке...

Мод Шапताल поглядела на белую с позолотой дверь, затем на циферблат наручных часов. Стрелки – крылья мельниц – не позволяли ждать. Выдохнула...

«Не радость, нет, – покой души бесстрастен»¹².

Постучала.

«Гранд-отель», что на Рю Скриб, самая сердцевина игрушки-«фукурумы». Номера «люкс» – королевство в королевстве, загадочное и недоступное. Пускают не всех, она – редкое исключение.

– Заходите, мадемуазель Шапताल. И – здравствуйте!

Он в дверях. Не в смокинге, как в день, когда они впервые встретились, – в обычном светлом костюме. Без галстука, ворот белой рубашки расстегнут, густые волосы так и просят гребешка.

¹¹ Песня «The Windmills of Your Mind». Музыка Мишеля Леграна, слова Эдди Марне.

¹² Поль Верлен. «Birds in the night». Перевод Ф. К. Сологуба.

...Аккуратно выбрит, воротничок чист, как дыхание младенца, из нагрудного кармана, нарушением всех традиций, выглядывает чья-то визитная карточка.

Стиль... Мод с детства не слишком любила это слово, но куда деваться, если вот он, стиль, прямо в дверном проеме? А напротив него – не слишком юная швабра в темном пиджаке и светло-серой юбке.

...Подбородок. Пятно на щеке. И на животе. Нос! А еще храпит ночами.

– Здравствуйте, шеф!

Так пошло с первого дня знакомства, просто «шеф». И – пиджак без галстука, почти по-домашнему. Высший градус доверия... Этот человек имел в запасе целый фейерверк улыбок (куда там красавчику Кампо!), но наедине с помощницей обходился самой простой, тоже домашней, очень похожей на настоящую.

Ей доверяли, и от этого становилось еще больнее. Стук капли оборачивался горным обвалом, ключи в сумочке раскалялись добела, сжигая пальцы...

– Ну, как успехи? Готовы к автопробегу? Проходите, садитесь – и рассказывайте!

Париж – тоже игрушка-«фукурума», внутри Парижа-мира – множество миров. Мир выставок, салонов, вернисажей не так и мал (столица искусств!), но и не столь необозрим, все серьезные фигуры – на виду. А уж кураторы выставок, настоящих, в залах и галереях, овеванных мировой славой – своего рода каста.

Брахманы!

Он вошел в эту касту легко, с первой попытки. Коллекционер, завсегдатай аукционов, ценитель и знаток. Денег нескитано, нужных знакомств немерено. А еще улыбки, хоть альбом издавай. Брахманы не слишком охотно, но потеснились. В конце концов, выставка намечалась не слишком обычная, с немалой долей риска.

Шеф риска не боялся.

Эксперт Мод Шапталь познакомилась с ним случайно, на большой выставке в Лувре, куда пришла не по зову души, а по служебной надобности. С тех пор следила издали, слушая, как в висках бьется кровь, как звенят ключи в сумочке. Ближе не подходила, пока этой зимой не заговорили о выставке «Искусство Свободной Франции». Тогда собралась с силами, сцепила зубы...

...Годами под сорок, загорелый, острые складки у губ, еле заметные морщины на лбу, острый взгляд темных внимательных глаз. Такого не изваять из камня, разве что взять квебрахо, чудо-дерево из боливийской сельвы.

Однажды, зимним вечером, она даже разметила холст для портрета. Потом, испугавшись, сняла с подрамника, спрятала подальше.

– Мы готовы, шеф. Вынуждена констатировать, что ваши кандидатуры очень удачны. И «Вспышка» понравилась. Признаю честно: вы в очередной раз оказались правы. Какие будут указания, шеф?

– Не указание – просьба. Больше доверия, мадемуазель Шапталь! И себе самой и, если это возможно, мне. Хороших людей искать интереснее, чем хорошие картины. У меня, к счастью, немалый опыт... И, как я и обещал, немного о политике. Наша выставка – не просто попытка поддержать немецких коллег. Это знак для Гитлера и его банды. Свободная Франция не собирается терпеть мерзости, которые творятся в Рейхе. Наши картины – авангард, легкая кавалерия, следом вступят в бой кирасиры. Начать атаку доверено именно нам. Вам, мадемуазель Шапталь! Согласны?

Стучала кровь в висках, неслышно перезванивались ключи в сумочке, пылился свернутый холст в углу заброшенной студии. Крылья мельниц застыли посреди вечного циферблата – неба.

Больше доверия, шеф? Еще бы немного, и поддалась. Не-е-ет!..

– Согласна!

7

На этот раз он был рад дождю, мелкому, тщательно просеянному сквозь небесное сито, почти незаметному, если время от времени не притрагиваться к волосам. Парко и душно, но это лучше, чем горячее майское солнце. Почти сутки в железном, зашитом со всех сторон ящике-вагоне, вымотали до самого доньшка. А ведь все только-только начинается. Еще один шаг...

Двор именовался здесь очень торжественно – «плац», хотя походил именно на двор где-нибудь на большом ранчо в Южной Калифорнии. Неровный квадрат, с трех сторон приземистые кирпичные бараки, с четвертой дощатый – высокий забор. Но здесь не ранчо, поверх забора – колючая проволока в три ряда, а вокруг не бравые ковбои, а все те же «черные» СС.

На крыше одного из барakov – высокая решетчатая антенна, на стене другого – аляповатый красный крест, издали похожий на кляксу. Приехавших выстроили рядами посреди плаца, рядом стала охрана, а больше никого. Время от времени из-за барakov доносился негромкий собачий лай.

Губертсгоф...

Стояли больше трех часов. Дважды тяжелые железные ворота открывались, впуская пополнение. Их тоже строили в ряды, подравнивали, и начиналось уже привычное.

– Ко-мму-ни-сты есть?

Интересовался старший – огромного роста здоровяк с четырьмя квадратиками в петлице. Перед поездкой Лонжа честно пытался выучить всех этих «штурм» и «роттен», но сейчас смог вспомнить с немалым трудом. Штурмбаннфюрер, командир батальона – «штурмбанна», четыре «штурме», считай, армейских роты.

– Повторяю! Коммунисты есть? Поднять руки!

Руки поднимали, хоть и не слишком охотно. Не спрячешься, личное дело каждого – уже в канцелярии.

– Шаг вперед, сволочи! Живее, живее! А теперь слушай команду. Лечь! Встать! Лечь! Встать!..

А под ногами грязь, словно стадо быков топталось.

– Лечь! Встать! Лечь! Встать!.. Этого!..

Этого – самого слабого, первого, кто не смог встать, брали в оборот. «Пластыри» от всей арийской души – и ползком вокруг двора. Двоих так и оставили лежать в грязи.

– Scheissdreck!¹³ – брезгливо резюмировал каждый раз штурм- баннфюрер. – Будем унифицировать до белых костей, так ребята?

Скучающие эсэсманы откликались веселым гоготом.

Словарь продолжал пополняться. И не только словарь. О «кацетах» Лонжа немало читал еще в Штатах. Писали разное, статьи в немецких газетах и рассказы чудом вырвавшихся на свободу эмигрантов разнились, как Небо и Ад. Это нисколько не удивляло, однако не совпадали детали. На «официальных» фотографиях из Дахау (по случаю проведения осенней Баварской ярмарки) заключенные были в цивильном, эмигранты упоминали полосатые робы и деревянные башмаки. Здесь ничего «полосатого» не обнаружилось, часть прибывших была в своем, в чем взяли, другие же носили серую униформу с большими белыми крестами на спине. На головах – нечто странное, напоминающее бескозырки, – и тоже серое. На груди, ближе к сердцу, маленький белый четырехугольник, под ним – цветное пятнышко, что именно, издали не разберешь. Спросить не у кого: рядом с Лонжей стояли такие же, как он, новички, а заодно и охранник, скучающий, а потому очень бдительный.

¹³ Здесь и далее персонажи будут использовать obscene лексик, переводить которую автор не считает возможным.

– Внимание! Внимание!.. Смир-р-рно! Смирно, говорю, schweinehunden!..

Строй колыхнулся... Замер.

– Дисциплина, порядок, чистота! За всякое нарушение – экзекуция! Приказы начальства выполнять незамедлительно и точно, иначе будете на завтрак мое дерьмо жрать! Сейчас – регистрация. Строение номер три, большой белый номер на стене. Первая десятка в отдел личного состава... Бего-о-ом!..

* * *

Эсэсовцам в отделе личного состава было тоже скучно. В кабинет не вводили, а вбрасывали, прикладывая для ускорения двойной «пластырь», с размаху, от всей души. Не смеялись, напротив, морщились. Рутинка...

– Па-а-ашел!

Очередь, растянувшаяся по всему коридору, двигалась медленно. Лонжа стоял в самом хвосте, честно пытаясь отыскать в происходящем хоть что-то хорошее. Не получалось, как ни старался. Тюремный ад позади, но чем лучше этот? Если и выпустят, то очень не скоро, все задуманное – коту под хвост. Одно успокаивало – в такой толпе легко затеряться. О подозрительном эмигранте скоро забудут.

– Рихтер? Пауль Рихтер?

Сердце-часы замерло, а потом забилося быстро-быстро, словно боясь не успеть.

– Так точно!

...Эсэсман, здоровенный, в плечах сам себя шире, в петлицах... Да какая разница, что в петлицах?

– А ну пойдем!

В плечо словно железные клещи впились. Протащил коридором, открыл дверь в пустой кабинет, угостил кулаком в спину.

– Заходи!

Дверь закрыл, грузно уселся на стул, поглядел исподлобья.

...Лицо – топором рубили, но глаза неожиданно умные. Хитрые.

– Цирковой?

Глава 3

Губертсгоф

Две с половиной марки в день. – Отъезд. – Саксонский Медведь. – Бретёр. – Носилки с кирпичами. – Люди в черном. – Карел Домучик

1

Шут черкнул карандашом, проводя черту, отложил блокнот в сторону и подвел итог:

– Две с половиной марки в день, если брать по нижнему пределу. Не понял, куманёк? Чистый доход от каждого заключенного на сегодняшний день. Естественно, речь идет о концлагерях, в тюрьмах – сплошные минусы. Поэтому с нынешнего года уголовников тоже стали отправлять за проволоку. Вот тебе и фундамент экономики – самоокупаемость, занятость, стабильность. Остается подсчитать, сколько требуется заключенных для существования Рейха в условиях полной автаркии – если кредиты отрежут, к примеру. Подозреваю, не слишком много, учитывая вновь присоединенные территории. Там наци не слишком церемонятся. По сути, мы имеем процветающее акционерное общество, основанное Толстым Германом, а ныне возглавляемое Генрихом Луитпольдом Гиммлером.

– Экономика людоедов, – отрезал Король. – Поэтому и ждать нельзя.

Все уже решено, куплены билеты в Европу, оформлены документы, настоящие и не очень. Один едет чуть раньше, второй – позже. Еще не прощание, но уже на пороге.

Каждый волнуется, но старается не подавать виду. Король молчалив, Шут, напротив, разговорчив.

– Называй, куманёк, как пожелаешь, но концлагеря – и есть наш XX век, его символ, если хочешь квинтэссенция – как аутодафе в эпоху барокко. Арт-деко в чистом виде, доведенное до крайних пределов, причем на основе полной самоокупаемости. А заодно воплощенная утопия: от каждого по способностям, каждому – по труду. И не кивай на наши Штаты, «трудовые лагеря» мистера Рузвельта не многим гуманнее. Просто в каждой стране – свой национальный колорит. В Рейхе он – национал-социалистический. Я с тобой согласен, ждать нельзя, новый век наступает, причем местами – прямиком на горло. А против него – только одиночки, вроде нас с тобой.

Король кивнул, соглашаясь:

– Одиночки, ты прав.

Tvoe odinochestvo veku pod stat'.
Ogljanesh'sja – a vokrug vragi;
Ruki protjanesh' – i net druzej;
No esli on skazhet: «Solgi», – solgi.
No esli on skazhet: «Ubej», – ubej¹⁴.

– Русский максимализм, – Шут поморщился. – Насколько я помню, эти слова произносит сам герр Дзержинский? Вот еще вариант прогресса, с азиатскими клыками и в шапке-ушанке, однако тоже весьма эффективный. Но что взамен? Традиция? Трон, на троне – ты, помазанник божий при скипетре и державе, рядом я с бубенчиком. Засмеют! А то и хуже, примут за карточную колоду и станут играть нами в покер. В конце концов есть американская демократия:

¹⁴ Стихи Эдуарда Багрицкого.

жевательная резинка, ковбойские сапоги, выборы раз в четыре года – и по адвокату на каждую взрослую душу. Многим нравится.

Друзья спорили об этом не в первый и не в десятый раз. И каждый оставался при своем.

* * *

– Штаты просто отстали от Европы на полвека, а сейчас успешно нагоняют. Впрочем, «большую дубинку» придумал еще Тедди Рузвельт. Чем Панама не Судеты? А его однофамилец, кажется, замахнулся на всю Европу. Монархия – не идеал, но хоть какая-то гарантия порядка и стабильности без террора. Это еще не ушло, в это верят и хотят вернуть. Не только отставные генералы, за монархию вся та часть Вермахта, что не прошла через гитлерюгенд и штурмовые отряды. Аристократия – их даже уговаривать не придется. Крестьянство! При кайзере не было карточек на силос и обязательной сдачи продуктов. Жители маленьких городов, горных деревушек – те, кому прогресс не по душе. Университетская профессура...

– Ну, куманёк, эти, конечно, силища... Ты забыл назвать финансистов, банкирам тоже не по душе ни демократия, ни Бесноватый. Но законная династия – Гогенцоллерны, а они сидят тихо. И даже сотрудничают, принц Август-Вильгельм вступил в НСДАП. Конечно, кроме Пруссии в Рейхе есть и другие королевства. Но если ты в завтрашней «Нью-Йорк Таймс» напечатаешь заметку, что принимаешь престол, кто заметит? А если и заметит – что подумает? Даже на розыгрыш не тянет.

– Поэтому доску из-под фигур надо вырывать одним рывком.

– «Мальбрук в поход поехал, мирнтон, мирнтон, мирнтон!». Помнишь, что было дальше?

– А дальше Джон Черчилль, первый герцог Мальборо, разбил этих певунов при Мальплаке.

2

Жорж Бонис взглянул, прищурившись, провел ладонью по усам.

– Ей-ей, брякнется. Носом. Франк ставлю.

Мод всматриваться не стала. И так все ясно.

– Поддерживаю. Брякнется, причем в ближайшую лужу. Надо ведро воды набрать – окатим, прежде чем сажать в кемпер.

Красавчик Арман Кампо опаздывал. Делал он это с невероятным изяществом, ловко маневрируя между лужами, при этом стараясь идти на носках, дабы не замарать черные модельные туфли. Может, и вышло бы, но в каждой руке черноволосый волок по чемодану, совершая рискованные пируэты над самой землей. Девушка и усач наблюдали за балетом, стоя у теплого бока скучающей «Вспышки». Мотор прогрет, вещи уложены, заперты двери гаража. Двадцать минут двенадцатого, старт же был намечен ровно в одиннадцать.

– Иду! Иду! Я уже бегу!..

– Нет, – рассудила Мод, – мокрый он нам не нужен.

И шагнула вперед, чтобы перехватить один из чемоданов на самом краю лужи, той самой, ближайшей. Второй рукой девушка придержала красавчика за плечо, развернула, поглядела в глаза.

– Работал я, работал! – моргнул тот и дернул носом.

– Не руками, как я понимаю?

Хотела забрать и второй чемодан, но черноволосый не дался. Так и добрались до выезда из гаража. Жорж Бонис многозначительно прокашлялся.

– Не надо намекать! – Кампо гордо выпрямился, тряхнув темными кудрями. – Виноват, но прошу учесть мою тонкую нервную организацию. Я, между прочим, почти всю ночь не спал, готовился. Маршрут прорабатывал.

Мод лишь головой покачала. Работяга нашелся, ночь не спал! А между тем, самое время ехать. Погода словно на заказ: еще утром над городом плыли тяжелые серые тучи, грозясь очередным дождем, но теперь развиднелось, в небе – золото и синева, легкий южный ветер шумит в зеленых кронах...

Что-то толкнуло в плечо, еле заметно, мимолетным дуновением.

Вновь солнце юное Париж встречает, —
К нему, больной, нахмуренный от мук,
Безмерные объятья простирает
Он с алых кровель тысячами рук¹⁵.

Знакомый, хоть и никогда не слышанный голос – хриплый, грубый, манящий. Голос старого, познавшего мир и всё, что есть в мире, колдуна.

Уж целый год душа цветет весною,
И, зеленея, нежный флореаль
Мою мечту обвил иной мечтою,
Как будто пламя в пламенный вуаль.

Венчает небо тишью голубою
Мою смеющуюся там любовь.
Весна мила, обласкан я судьбою,
И оживают все надежды вновь.

Колдовские губы шептали над самым ухом, слова сладким ядом заполняли душу. Весна, надежда, любовь, смерть...

«Уйди, дед. Мы не одной крови!» – неслышно сказала она призраку и, прогоняя словом слово, проговорила вслух:

– Чемоданы – в кемпер. Арман – туда же, можешь пока поспать. Жорж, чего мы стоим? Пора! Пора!..

– Мод, но я хочу в машину! Можно мне на заднее сиденье?¹⁶

Девушка лишь рукой махнула. Садись где хочешь, только не мешай. Пора!

Пора! Хлопнули дверцы – раз, другой, третий, нетерпеливо зарычал мотор. «Вспышка», дрогнув, тронулась с места.

Поль Верлен, мертвый и проклятый, не мешал и не спорил. Отошел в сторону, помахав вслед истлевшей шляпой и лишь потом шевельнул призрачными губами:

– Нет, внучка, мы с тобой одной крови!

* * *

Мод Шапталъ тоже прорабатывала маршрут. Не ночью, понятно, – вечером, перед сном. Она и так его помнила, неоднократно обсуждала с шефом, а совсем недавно с усатым Жоржем Бонисом. Но в шесть пополудни, как раз когда вернулась в свою квартиру о трех вагонах, ее прямо на лестничной площадке догнал мальчишка-посыльный. Бланк, подпись и письмо в маленьком изящном конверте без адреса и почтовой марки.

О всяком успела подумать, прежде чем вскрыть конверт, но только не о шефе. А написал именно он – всего три строчки, если без обращения и подписи. Прочитала раз, другой, положила письмо на столик в прихожей.

¹⁵ Перевод Ф. К. Сологуба.

¹⁶ В «пантиаке-кемпере» 1935 года заднее сиденье отсутствовало. См. примечание выше.

Маршрут менялся, пусть и не слишком серьезно – по одному из адресов велено не заезжать. Ни точной причины, ни даже «в связи с новыми обстоятельствами». Не заезжать – и точка.

Ей бы удивиться, но эксперт Шапталь удивляться не спешила. Заварив кофе, достала из чемодана нужную папку, расстелила карту на столе. Все посмотрела, провела по карте карандашом. И только тогда удивилась.

...Маленькая деревня – и дом на краю. В нем много лет назад поселились старый моряк с женой. Там и кончили свои дни. От моряка остались рисунки и картины. Наследники предложили всё это местному музею, но там даже слушать не стали. А потом кто-то прочитал в газете про грядущую выставку.

Репродукций не прислали, но в письмо было вложено два рисунка, варварски помятые и сложенные вчетверо. Наследники моряка не слишком ценили его талант. А вот эксперт Шапталь оценила. Рисунки реанимировала, как могла, уложила в особую папку – и поставила рядом с кружком на маршрутной карте только ей и понятный значок. И вот теперь «не заезжать»?

Почему?

Рисунки без подписей – или, что вернее, постарались чьи-то ножницы. На первом – портрет старика, резкие точные линии, строгое лицо, лишь на губах, маленьким завитком, еле заметная усмешка. Девушке подумалось, что таким и мог быть старый моряк. А что рисовать моряку? Море, берег с пальмами, парусники-красавцы или трудяги-пароходы с дымком над трубами...

Однако на втором рисунке были самолеты, незнакомые, остроклювые, похожие на хищных птиц. Звено – впереди один, два сзади, на головном – еле различимый символ. Легкий контур облаков – и маленький крестик у машины, что слева.

Эксперт Шапталь поставила на нужной странице своей записной книжки вопросительный знак. Рисунок показала знакомому летчику, тот вздернул бровями:

– Никогда не видел, но... Такие не полетят. Геометрия странная... И... Он же моторы забыл нарисовать! Может быть, планеры?

«Может быть, планеры» тоже в альбоме. Мод пересмотрела рисунки, перечитала письмо. Версии выстраивались в стройный шумный ряд. Наследники могли отказаться – или запросить несусветную сумму, наследство моряка уже в Париже, по почте отправили...

Но в письме причина не названа! Шеф словно намекает.

«Больше доверия, мадемуазель Шапталь! И себе самой и, если это возможно, мне».

Мод закрыла папку, положила на место, спрятала блокнот в сумочку. Сонно звякнули потревоженные ключи, но кровь в висках не отзывалась, сердце билось спокойно и ровно.

Доверять вам, шеф? Разве что в День святого Глянгляна. Или когда у кур зубы вырастут!^{17*}

Пометку на карте оставила как есть, а в шумный строй версий впихнула еще одну, хоть и не слишком вероятную. Что могло случиться за неполную неделю между утверждением маршрута и письмом в изящном конверте?

У шефа – неизвестно. В славном городе Париже много чего, но все не в тему. В мире? Газеты сообщают о массовых арестах в большевистской Москве, о волнениях в румынской Трансильвании... А у нее самой? Мод занималась лишь выставкой, все прочие дела завершены или отложены. Новые знакомства? Усатый Жорж Бонис, анархист-гитарист и...

...Ростислав Колчак.

* * *

На заднем сиденье завозились, ойкнули, вздохнули тяжело.

– Уже приехали?

¹⁷ То есть после дождика в четверг и когда рак на горе свистнет.

Над спинкой сиденья воздвиглось нечто сонное, с изрядно помятой прической. Мотнуло головой.

– А-а-а... Нет еще?

Сидящий за рулем Жорж Бонис лишь усмехнулся в усы. Мод, прикрывшись ладонью от яркого полуденного солнца, поглядела вперед, на забитое машинами шоссе.

– Выехали. Кто-то из нас, кажется, изучал маршрут?

Арман Кампо уснул почти сразу после старта, удобно пристроившись на мягком кожаном сиденье. Девушка даже успела позавидовать. Крепкие нервы у красавчика – или в самом деле наработался за ночь. Не руками, понятно.

– Маршрут? – Черноволосый сонно моргнул. – Э-э-э... Шоссе 50, первая остановка в Шартре, там обед. Кстати, не очень советовал бы, ни одного приличного ресторана.

Упал на сиденье, принялся тереть ладонями глаза.

– Из Парижа долго выбирались, – разомкнул уста Бонис. – Габариты у нас нестандартные, а улицы забиты. Говорил же, на рассвете надо было выезжать.

Предложение, в целом здоровое, не поддержала сама Мод. Если на рассвете, значит, просыпаться придется среди ночи. Предложила стартовать в девять, но черноволосый запротестовал, заявив, что ранние подъемы вредны для нервной системы... Усач лишь пожал широкими плечами. Его дело – баранку крутить.

Сзади все затихло, и девушка решила, что красавчик Арман опять отдался Морфею. Ошиблась. Встрепанная голова возникла вновь.

– Мод, а можно в Шартре я на почту зайду?

Девушка если и удивилась, то не слишком.

– Можно. Если хочешь, могу сама телеграмму составить. «Проезжая город Шартр, моя душа полна только тобой. Точка».

Голова исчезла, но через несколько секунд сзади послышалось неуверенное:

– Мод! Помнишь, я говорил тебе насчет изменений в маршруте? Ма-а-а-аленьких, совсем малюсеньких...

Эксперт Шапталь негромко зарычала.

– Но, понимаешь, меня будут искать. Это важно!

Там – в стороне – ее сторонка,
Ведет тропинка до крыльца.
Не суждено, как видно, сбыться
Моим мечтам, пустым мечтам, —
Она спешит со мной проститься
И пропадает где-то там... —

негромко пропел Жорж Бонис, не отрывая взгляда от дороги. Сзади послышался тяжелый вздох.

– Если бы! Меня искать будут... мужчины.

– О-ля-ля-ля! – «Вспышка» дрогнула и слегка вильнула. Мод же еле заметно пожала плечами. Собственно говоря, почему бы и нет? Промолчала, зато не стерпел усач:

– А эти мужчины, Арман, молодые, старые? Сильно пристают?

Не дождавшись ответа, добавил решительно:

– Только уговор: я в этом не участвую.

– Жаль! – донеслось сзади. – Я, в общем-то, на вас рассчитывал.

Машина вновь вильнула, и Мод решила, что самое время вмешаться. «Вспышка» – особа габаритная, а шоссе, считай, переполнено. Не успела.

– Кажется, понял, – мрачно проговорил Арман Кампо. – А еще друзья! У меня, между прочим, драма! Может быть, даже трагедия. Из-за него!

– Жорж, не отвлекайтесь! – очень вовремя вмешалась эксперт Шапталъ. Усач послушался и окаменел, слившись с рулевым колесом.

– Он... Он ужасный, страшный! Ни капли жалости!..

«Но ты его любишь», – так и рвалось с искусанного языка. Девушка постаралась тоже представить себя булыжником. Заодно подумалось о шефе. Хороший им подарочек подкинул!

– А у меня даже нет секундантов. Я думал, Жорж, вы согласитесь. Не просить же о таком Мод!

Бонис, пусть и каменный, громко сглотнул. «Вспышка», замедлив ход, свернула вправо и мягко причалила у придорожного кювета. Усач оторвал пальцы от баранки.

– Не знаю, как вы, а у меня перекур.

– У меня тоже, – согласилась эксперт Шапталъ. – Выходим! Арман, это и тебя касается. И не прячься, все равно из машины вытащим.

Сама же вспомнила виденное у дверей бара в «Гранд-отеле». Роскошная дама при колье и прическе под Бэт Дэвис, платье от Мадлен Вионне, церемониальный поклон...

– А-а-а, – нерешительно донеслось с заднего сиденья.

– Бэ! – отрезала Мод и открыла дверцу.

3

Стойка униформиста. Для посторонних, которые не с арены, – почти такая же, как у черных «эсэсманов»: плечи вразлет, руки на бедрах, локти чуть назад, вверх подбородок. Но знающий увидит.

– Так точно! Цирковой.

Тот, кто стоял перед ним, увидел. Кажется, оценил, но в глазах – по-прежнему вопрос.

– «Униформа», значит? Сезонник?

Проговорил лениво, словно нехотя. Правая же ручища дрогнула, еле-еле заметно.

– С «униформы» и начинал, – как ни в чем не бывало улыбнулся Лонжа. – А вначале метлу дали.

Удар! Раскрытой правой ладонью – по левой щеке. Без размаха, короткой молнией...

– Ай-яй!

Лонжа ждал, потому и успел: сначала поймать ладонями чужую руку, словно пытаюсь сдержать удар, затем – громкий хлопок, ладонь бьет в ладонь... И горестная гримаса, да такая, что увидишь – слезами изойдешь.

– За что, господин директор? Это не мы слону шампанского подлили, это все «пушкари»!

Эсэсман пожевал губами и наконец кивнул.

– Апач ловишь, одобряю. Но ты же не коверный?

На этот раз отвечалось легко, два полных летних сезона чему-то да научили.

– Так в «паузе» то и дело приходится, когда у коверного реприза. А то и сам шпрыхшталь-мейстер угостит. А уж на «зелёнке» все стараются... герр начальник.

– Фридрих, – эсэсман протянул тяжелую ладонь. – Когда без свидетелей. А я, как ты можешь догадаться...

– Силовой акробат, – кивнул Лонжа. – Основание «пирамиды» – твое.

Эсэсман оскалил зубы, соглашаясь, но затем стер с лица улыбку.

– Был. И вроде бы и жалеть не о чем, но все равно – скучаю... Насчет «ты» не возражаю, только вокруг посматривай. Кстати, кому ты должен был привет передать?

Услыхав про Гроссштойсера, кивнул, почесал ногтями подбородок.

– В том, то и закавыка, парень. Сообщили про тебя, что, мол, из Штатов да еще цирковой. А у меня сразу уши дыбом. Почему из Штатов? Может, конечно, правда, а может и засланный, чтобы биографию проверить не смогли. Цирковой – иное дело, срисую сразу. Наших-то, из Фатерланда, почти всех знаю, а про остальных и спросить недолго.

Лонжа понимал: экзамен не кончен. Его не спросили ни про цирк, где он работал, ни про то, что делал в цирке. Значит, спросят, причем не один раз.

– А я, парень, здешний блокфюрер. Чего это значит, тебе еще расскажут. Звание – обершарфюрер СС, кличка – Медведь. На Медведя не обижаюсь, но если не просто, а Саксонский – сразу в морду. В Черном фронте не состоял, врать не буду, зато был помощником самого Грегора Штрассера, когда тот в СА верховодил. Потому и до сих пор в блокфюрерах хожу, даром что «старый боец»... А насчет тебя решим так. Сейчас зарегистрируют, отпечатки возьмут – и отведут куда надо. Там сиди тихо и не высовывайся, пока сам не найду. Если что не по делу спросят, ничего не говори и рожу криви, будто апач поймал. Кстати, у тебя кличка есть?

– Лонжа.

* * *

Приземистый, издалека похожий на мыльницу, барак был обозначен цифрой «8» – белая краска по кирпичу, но именовался не бараком, а ротой, соответственно восьмой. Несмотря на ясный день, за дверью клубилась тьма. Однако не она остановила, а густой спертый воздух, тяжелый и одновременно странно неживой, словно в склепе. Лонжа невольно замер на пороге.

– Идем, идем, – поторопил сопровождающий, местный Вергилий. – Привыкай, так и жить будем. Свет включают вечером, на два часа, а окон нет. Да имей в виду, там дальше узко, не повернешься.

За порогом, в коротком проходе между рядами деревянных нар, он вновь остановился, привыкая к сумраку.

*...Есть край внизу, где скорбь – от темноты, а не от мук, и в сумраках бездонных не возгласы, а вздохи разлиты*¹⁸.

– На нарах не резвись, – продолжал инструктаж проводник-Вергилий. – Там и головы не поднять, вроде как в гробу. Заберешься – сразу попробуй слезть, быстро и никому, значит, не мешая. По команде «Подъем» все должны выскакивать, как тараканы из ведра с керосином.

Взял за локоть и безошибочно повел куда-то в самую глубь.

– Повезло тебе, все на работах, так что освоишься без помех и отдохнуть успеешь. А остальное тебе расскажут.

Придержал за руку и указал в самую темень:

– Туда! У тебя второй этаж, не ошибись.

Не ошибся. Скользнул на вытертые доски, вытянулся. Замер.

...Глаза можно не закрывать, по обе стороны век – одно и то же.

– Будешь здороваться, не говори «добрый день», – проговорили из мглы. – Здесь он добрым не бывает.

Он резко выдохнул.

– Понял.

– Прощай, – негромко отозвался Вергилий, прежде чем исчезнуть, и Лонжа еле удержался, чтобы не попросить того не уходить так скоро. Сжал кулаки до боли.

Доски сверху и снизу, могильная темень, могильная тишина...

Но тут где-то совсем рядом послышался сухой резкий щелчок. Неровный огонь зажегали, чье-то незнакомое лицо в острых тенях. И голос, неожиданно, даже неприлично веселый:

– Новенький?

¹⁸ Здесь и далее курсивом выделены цитаты из «Божественной комедии» Данте в переводе М. Лозинского.

...И долгий страх превозмогла душа, измученная ночью безысходной.

* * *

Устроились за большим деревянным столом у самой кирпичной стены. Глаза постепенно привыкли, тяжелая мгла стала серым полупрозрачным сумраком, не скрывавшим явь. Долгие ряды трехэтажных нар, низкий давящий потолок, потрескавшаяся штукатурка по стенам. И новый знакомец обозначился яснее. Молод, невысок, худ до невероятия, на костлявых плечах – темный бушлат с треугольником на груди, на голове – уже виденный берет-бескозырка. А вот лица не разглядеть – серая маска с контуром носа.

– Зовут меня просто – Ганс. Ганс Штимме, из Гамбурга, портовый рабочий. Сегодня – дневальный, считай, бездельничаю. А про тебя мне уже сказали. Из Штатов, да? Неужто американцев сажать начали? Ну, тогда «коричневым» точно каюк.

Лонжа невольно улыбнулся.

– Пауль Рихтер, цирковой. Насчет того, что каюк, спорить не буду, но я – германский подданный, эмигрант. Будем знакомы!

Пожали руки, крепко, чуть не до боли. Лонже подумалось, что и это проверка. Доходяги здесь не нужны.

– Сюда не так часто новеньких присылают. Знаешь, куда попал, Пауль? Наша рота – постоянный контингент. Губертсгоф – пересылка, народу полно, тех – туда, этих – обратно, а мы всю карусель обеспечиваем. Поэтому в роте нет ни уголовных, ни всяких случайных, эти работать не станут... Тебя, кстати, за что арестовали?

Спрошено было легко, словно речь шла о погоде. Лонжа уже понял, что его ответ не понравится, но выбора не имел.

– С шуцманом поругался. А ты, как я догадываюсь, курил в кинотеатре?

– Точно. Курил...

Ганс Штимме не двинулся с места, но Лонже показалось, что между ними беззвучно опустилась плотная непрозрачная завеса.

– Ладно, Пауль, ваших тут полно, они тебе все объяснят. Главный – Михаэль Куске, бывший какой-то там «фюрер». Кличка – Гном. Увидишь самого длинного – он и есть...

– Погоди!

Лонжа встал, поглядел сквозь серую мглу. Этого он и боялся. Всякое царство...

– Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит... Нас станут давить порознь, как клопов. То есть не станут, уже давят. Передай это своим.

– А ты скажи это Гному, – Штимме тоже встал, подался вперед. – Ругаться не буду, но ты из Америки, Пауль, а здесь совсем иные расклады... Отдыхай, у меня еще дела.

Исчез. Растворился в сумраке.

* * *

После окончания училища Королю предложили годичную стажировку в одной из воинских частей. Учитывая отличные результаты, часть выбрали соответствующую – овейанный давней славой гвардейский полк, только что получивший первую партию танков. Машины были немецкими, но об этом предпочитали не вспоминать. Должность командира танкового взвода – совсем неплохое начало для эмигранта.

Король отказался. Вечно нейтральная страна в последний раз воевала в Наполеоновскую эпоху. Немецкие же танки были по сути учебными: слабая ходовая часть, тонкая противопульная броня, пропускавшая даже разрывные, и как насмешка – два не слишком надежных пулемета в башне. Такие он уже изучал в училище, главное же было в том, что ни этим жестянкам, ни славному гвардейскому полку наверняка не придется воевать еще лет двести.

Молодой офицер вернулся в Соединенные Штаты, помирился с отцом, выслушал полагующиеся поздравления – и собрался на войну.

– А подать-ка сюда баталию его королевскому высочеству! – возвестил Шут, листая карманный географический атлас. – Тебе какую, куманёк? Со славой – или чтобы помучиться?

Король хотел огрызнуться, но не успел. Легкий, переливчатый звон – в руках Шута оказался маленький, но звонкий бубенчик.

– Это я для достоверности, куманёк, – пояснил дурачина, – купил в магазине игрушек. Вообще-то он положен тебе, потому что спятил именно ты, а не я. Родителям уже говорил? Можешь не спешить, я тебе сам изображу, что потом будет. В лицах.

Спорить с другом трудно – Шут был не просто говорлив, но и убийственно логичен, да к тому же вьедлив. Это же успели оценить не только преподаватели университета, но и весьма серьезные люди, пообещавшие выпускнику очень перспективную работу.

– Итак, для славы вашего королевского высочества в наличии имеют быть таковые театры военных действий. Первый – парагвайско-боливийский, газеты успели прозвать сие Войной Чако. Там, правда, уже все заканчивается... Эфиопия! А-ра-пы! Негус тебе будет, конечно, очень рад, но, боюсь, и туда не успеешь, итальянцы уже возле Аддис-Абебы. Или тебе больше нравится Дуче?

И вновь – звонкий голос бубенчика. Шут был в ударе.

Король насупился, закусил губу, сразу став похожим на фамильные портреты Виттельсбахов. Пальцы сжались в кулак. Шут оказался чётко, бубенчик исчез.

– В Европе будет большая война. С Гитлером, без Гитлера, но все равно будет.

Молодой экономист чуть подумал и кивнул:

– Через три-четыре года.

– Все рациональные аргументы мне известны. Но есть еще один – нерациональный.

– Знаю, – поморщился Шут. – Ты – законный наследник престола, а король должен знать, что такое война.

Полистал атлас, раскрыл на страничке с контуром Пиренейского полуострова.

– Думаю, здесь.

4

Сначала неспешно закурили: Мод – привычную, из пачки с цыганкой, усач, слегка удивив, длинную витую сигариллу. Посмаковали первую, самую сладкую затяжку, поглядели в яркое майское небо, потом друг на друга...

Арман Кампо курить не стал. И в небо не глядел, только под ноги. Мялся.

– Кайся! – наконец предложила Мод, стараясь сдержать голос. Красавчик Арман не дрогнул.

– А не в чем! – с вызовом бросил он. – Дело чести! Отказаться не могу, не имею права. Я предложил им, его секундантам, решить всё после моего возвращения, но он не хочет. Страшный человек, ужасный!.. А, я это уже, кажется, говорил... Он пошлет секундантов вслед за мной, а потом сам приедет. Выберем место где-нибудь в глуши, подальше от полиции...

– Пистолеты или шпаги? – хмыкнул усач. – Я бы, знаете, предложил испанскую наваху, очень приятный инструмент. Но если вы, Арман, на меня рассчитываете, то давайте я им просто начищу рыло. Сначала одному секунданту, потом другому, а затем найдем местечко поглуше и...

Черноволосый бледно улыбнулся:

– Я, Жорж, и сам не такой уж невольник чести. Насчет этого... Как вы его поименовали? Рыла? И без вас бы распорядился.

Пошевелил длинными пальцами, сжал правую в кулак.

– К сожалению, не тот случай. Много не прошу. Пару раз нам придется остановиться, меня будут встречать. Надолго не задержу, на час, не больше. А потом, ближе к финалу, свернем кой-куда, и вы меня подождете. Или не сворачивайте, сам доберусь.

Кулак разжался, рука скользнула в карман пиджака. Сигаретница, серебряная с гравировкой.

– И насчет моей будущей книги, Мод. Время от времени я буду занимать столик в кемпере, чтобы поработать. Начну, пожалуй, прямо сейчас, только сигарету выкурю.

И достал зажигалку.

Мод не хотела, но залюбовалась наглцом. Бонис же негромко, но выразительно кашлянул.

– Арман, если уж на то пошло. Этот страшный и ужасный... Вы стрелять-то умеете?

Красавчик вздернул темные брови.

– Естественно! А чего уметь-то? Нажал – и готово. Вот только попадаю не всегда.

Прозвучало не слишком убедительно, по крайней мере, для Мод. В чем-то красавчик явно лукавил – то ли в том, что нажимать выучился, то ли в чем-то ином.

Бретёр, parbleu!

* * *

Ради Матильды Верлен никто не скрещивал шпаги. Она и не претендовала, слишком глубокой была черта, разрубившая ее жизнь пополам. Но там, в далеком невозвратимом прошлом...

Дело чести!

...Четырнадцать лет, лицеистка, мокрый снег, нестойкая парижская зима. Она возвращается домой, мысли еще в оставленном классе (опять латынь завалила!), портфель в руке, теплая шапочка налезла на самые брови. Парень был из соседнего дома, знакомый, но лишь вприглядку. Много ее старше, кепка и шарф словно у апаша, перегар на три метра вокруг, руки в карманах, окурок прилип к нижней губе. Прежде он ее и не замечал, но в тот ранний зимний вечер наконец-то снизошел. Сначала заступил дорогу, потом, обдав винными парами, начал говорить такое, что у лицеистки оледенели уши, затем взялся двумя пальцами за ворот пальто, потянул к себе...

А потом появился учитель. Матильда его не заметила, лишь когда тяжелая трость врезалась «апашу» в плечо, испуганно ойкнула. Тот оскалился, выдернул из-за пояса нож...

...Испанская наваха, очень приятный инструмент.

Трость оказалась зоркой – ударила точно по пальцам. А затем еще раз, еще и еще – по голове, по лицу, вновь по лицу.

А потом она плакала, прижимаясь носом к его тяжелому темному пальто.

– Мэтр! Но это, как ни смотри, превышение, – не слишком твердо упрекнул некий чин в комиссариате. – По вашей милости, мэтр, парень в больнице.

Учитель пожал широкими плечами.

– Дело чести! А милости у меня к таким нет.

* * *

Жорж Бонис аккуратно въехал в промежуток между двумя палатками, белой и темно-зеленой, оглянулся для верности и заглушил мотор.

– Вроде никому не помешаем. Какие будут указания, мадемуазель?

Мод поглядела на циферблат. Почти добрались, хоть и не так быстро, как думалось. Восемьдесят километров, если по прямой, однако на перегруженном шоссе не разгонишься, особенно на «Вспышке». Но все-таки прибыли, хоть и не в Шартр. В сам город решили благо-разумно не въезжать, учитывая все те же габариты американского подарка. Командор пробега Шапталь, это учтя, заранее навела справки и без труда обнаружила искомое: муниципальную

стоянку для автомобилистов, в просторечии именуемую заморским словом «кемпинг». Западная окраина Шартра, широкое поле, разноцветные палатки, а до центра десять минут на такси.

– Устраивайтесь, – рассудила Мод. – А я пойду будить нашего кулинара. Съездим с ним в город, вернемся, да, пожалуй, здесь и заночуем. А завтра – к точке номер один. Вы, Жорж, карту изучите, чтобы не через город, а в объезд.

Сам Шартр в плане поездки не значился, но Мод убедила шефа, что имеет смысл потратить лишние полдня на Епископский дворец, местный музей с очень богатыми фондами. Для выставки найти ничего не надеялась – но как от такого отказаться? Жерико, Делакруа и, конечно, Энгр...

Шеф наверняка все понял, но возражать не стал.

– Арман! Арма-ан!

Дверца у кемпера была врезана сзади. Не дождавшись ответа, девушка обошла машину и уже прикинула, куда лучше стукнуть кулаком, но красавчик объявился сам – в одной рубашке, по-прежнему встрепанный, но с тетрадь в руках.

– Ничего интересного, – объявил он, листая страницы. – Типичная кухня центральной Франции. Чечевица из Берри, картофель «Бель де Фонтене» – и полно сыров из козьего молока. Найти ничего нового нельзя, разве что...

Зашелестел страницами, отыскал нужную.

– Мадленки! Рецепты есть, но все не аутентичные. Это все Марсель Пруст виноват, если ему поверить, здешние мадленки – самые обычные гренки с вареньем¹⁹.

– Собирайся, – вздохнула девушка, – возьми блокнот, карандаш. И... галстук не забудь.

– Обижаешь!

Кампо исчез, чтобы буквально через минуту появиться уже при полном параде – костюм, бабочка в тон и даже свежая орхидея в петлице. Оставалось завернуть это чудо в целлофан и обвязать ленточкой.

– В музей? – спросил он без особого энтузиазма. – Покоряюсь судьбе, но какая это скука! Старое дерево, ветхий холст, облупившаяся краска – прямо как у старьевщика. И, конечно, знатоки при очках: Ах, шедевр, ах, гений кисти!.. Ой! Я тебя ненароком не обидел?

– Н-нет, – нашла в себе силы выговорить эксперт Шапталь. Вздохнула поглубже...

– Кстати, а почему мы не берем экспонаты в музеях? Неужели не поделятся ради такой выставки? Мы же – Свободная Франция?

Туше!

Желание поколотить наглеца (при очках! никогда не надевала очки на людях!) исчезло, не оставив следа. Арман Кампо зрил в самый корень.

И ответить нечего.

* * *

– С музеями сразу возникнут проблемы, – молвил шеф. – Наша французская бюрократия, – сто разрешений на одну картину. За три года не управимся.

Эксперт Шапталь прикусила многострадальный язык, сообразив, что на этот раз лучше промолчать. Шеф, коллекционер и завсегдатай вернисажей, свой человек в самом узком кругу, лгал на голубом глазу – и даже не надеялся, что поверят. Разрешение от Министерства культуры у них имелось, провинциальные же музеи с великой радостью делились фондами ради столичных выставок в надежде на улучшение финансирования. И ездить никуда не требуется, разошли письма – и жди экспонатов. Пришлют и еще спасибо скажут.

Значит, не ложь, а установка, объяснение для прессы – и для излишне любопытствующих, вроде красавчика Армана.

¹⁹ Марсель Пруст. «В сторону Свана». В оригинале – «Madeleine».

Мод спорить не стала, но, вернувшись домой, в квартиру о трех вагонах, выложила на стол все, что удалось собрать по поводу «Искусства Свободной Франции», и надела очки. Перечитала – и крепко задумалась. С одной стороны, история выглядела понятно и логично. Началось с заметок о травле «дегенеративного» искусства в Рейхе и двух будущих выставках – в Германии и здесь, во Франции. Все это печаталось не на первых страницах, – добрых парижан не слишком интересовали подобные темы. Но вот подал свой голос сам «кальмар пера» Жермен де Синес. Знаменитый журналист ничего не требовал и ни к чему не призывал, просто в очередном обзоре читательских писем упомянул некое послание малоизвестного искусствоведа, завершавшееся словами: «Чем мы хуже?».

Назавтра «Чем мы хуже?» уже красовалось в качестве заголовка нескольких центральных газет. Энтузиазм, объяснимый лишь отсутствием серьезных новостей. Правительственный кризис рассосался, всеобщая забастовка, которой уже не первый месяц грозились компартия, так и не началась...

5

Он был чётко – проснулся за миг до того, когда под самым ухом заорали:

– Па-а-а-адъем! Па-а-а-адъем, та-ра-ка-ны беременные!...

Свет! Неяркие желтые лампочки под самым потолком.

– Бегом, бегом! Разоспались тут!...

...Глаза открыть, одеяло сбросить – и вниз. Что еще? Ах, да, соседа снизу ногами не задеть.

Все эти премудрости Лонже уже объяснили, пришло время практики. Спрыгнул удачно, сосед снизу уже взбивал тощий тюфяк, чтобы накрыть его аккуратно сложенным – не дай господь складочка! – одеялом.

Порядок!

...Тюфяк, одеяло, затем – в отхожее, в умывальник, обратно – за кружкой того, что здесь именуют «кофе»...

– Только не бегите, Рихтер, – на плечо легла тяжелая ладонь. – Здесь, как в атаке, разумнее всего идти быстрым шагом.

Гном – бывший унтерштурмфюрер СС Михаэль Куске уже здесь, с полотенцем на длинной шее. И сам, как и обещано, длинный, головой до верхних нар. Вчера обещал подстраховать, чтобы глупостей не наделал.

— Так точно, герр Куске!

Своим бывший эсэсман говорил исключительно «вы», взамен получая заслуженного «герра». Офицер!

– А лучше, Рихтер, идите-ка за мной и делайте, как я. Готовы? Марш!

Не бежать! Быстрым шагом, быстрым шагом...

С Куске вчера вечером успели поговорить о многом. Тот оказался неглуп, но убедить унтерштурмфюрера ни в чем не удалось.

– «Красным» нельзя верить ни в чем, Рихтер. Они и здесь ведут свою «классовую борьбу», если что – сдадут начальству и не поморщатся даже. Партия приказала! Вы с кем говорили, с Штимме? Да, он похож на человека, рабочий, глаза честные, но внутри такой же марсианин. И будьте осторожней, в роте наверняка имеется «фризер», стукач. Мы его до сих пор не вычислили, увь!

К безвкусной горячей бурде полагался бутерброд с маргарином. По здешним обычаям – почти роскошь, однако в «кацете», как уже понял Лонжа, ничего не делалось зря.

– На аппельплац! Строиться, строиться!

– Общая поверка, – пояснил Гном. – Значит, много новеньких, по головам считать будут. Или герр комендант не с той ноги встать изволил. На «аппеле» прикуси язык, смотри и слушай... Быстрым шагом, Рихтер, быстрым шагом!..

* * *

Двор оказался не просто «плацем», а «аппельплацем», местом утренних проверок. Собирали не каждый день, чаще всего сразу же после бурды с маргарином разгоняли по работам. Но на этот раз – не повезло. Лишние минуты на ветру в сыром предутреннем сумраке – не беда, но именно на «аппеле», как пояснил Гном, можно нарваться на самую настоящую беду.

Ослепительно белый луч прожектора, молчаливые ряды заключенных, темные крыши барачков – и черные «эсэсманы» вездесущими бесами.

– Ровнее, ровнее! Голову выше, выше, сказал!

К черному небу взлетает дубинка, раз, другой, третий... Упавшего оттаскивают, ряды вновь смыкаются.

Смотри и слушай... Кое-что Лонжа увидел сразу. Лагерь делился на полосатых и серых. Серым был он, зачисленный в восьмую роту – бушлат слегка не по размеру, такие же брюки и мятая кепка-бескозырка. На спине – уже виденные полосы крест-накрест, на груди – треугольник.

Винкель!

Еще одна строчка в словаре. Каждому – по заслугам. Коммунистам – красное, «Черному фронту» – в цвет, криминалу – зелень. Были и прочие, но их Лонжа еще не видел. Его винкель редкий, единственный в роте. «Синий» – эмигрант.

– Блокфюрерам приступить к проверке личного состава!..

Бесконечное «я-а!», «я-а!», «я-а!»... Поверка – не беда, главное не опоздать, крикнуть вовремя. Но вслед начнется то, ради чего собрали. Герр комендант прочитает приказ, кого-то выдернут из рядов, поволокут в карцер, прикладывая на ходу липкие увесистые «пластыри». Что будет с человеком дальше, лучше не думать.

И, конечно, новенькие. «Полосатики».

Губертсгоф – девять рот, в каждой от сотни до двух. «Серых» две, восьмая и девятая, постоянный состав. Остальные – пересылка, мимолетные гости. Этих прямо здесь тоже передевают в робы, но полосатые. Гном пояснил, что прежде каждый «кацет» имел свою форму, но отныне с этим покончено. Унификация!

До белых костей...

– Рихтер Пауль!

– Я-а!

Не опоздал. Можно выдохнуть и подумать о том, что дальше. А дальше – работа. Для того и нужны в лагере «серые». Девятая рота – обслуга, восьмая – строители.

Зависть не выгорает даже в аду. Им, серым, завидуют.

– Внимание, внимание! Слушайте приказ...

...А бес Харон сзывает стаю грешных, вращая взор, как уголья в золе, и гонит их и бьет веслом неспешных...

* * *

– О побеге забудьте! – сразу предупредил Гном. – Не потому что отсюда нельзя бежать. Можно, Рихтер, особенно когда работаем по ту сторону проволоки. Но пострадает вся рота, для начала каждого десятого измолотят в хлам и бросят в карцер, потом займутся самыми активными – теми, кто на плохом счету. Официально здесь не расстреливают, но смерть от этого никак не слаще.

Лонжа не спорил, слушал. Про Гроссштойсера его не спросили, и он решил зря не рисковать. Промолчал и про Бёргермор, болотный «кацет». Михаэль Куске, пусть и бывший офицер СС, но сейчас – обычный заключенный, такой едва ли поможет.

– Тому, кто бежит, понятно, крышка. Ловят всех, исключений пока не было. А затем на плац выходит хор... Вы, кстати, Рихтер, музыку любите?

– Музыку? – Лонжа даже растерялся на миг. – Конечно люблю.

Гном внезапно оскалился:

– Скоро разлюбите, обещаю. Музыка здесь, в Губертсгофе, – знак смерти, ее, можно сказать, атрибут. Начальство у нас нервное, не любит слышать крики. Если одного наказывают, зовут хор, в случае групповой экзекуции – оркестр. А если танго, значит, точно убивают. Еще вопросы есть?

– А что поет хор? Когда ловят?

– «Ах, попалась, птичка, стой! Не уйдешь из сети»²⁰, – твердо, без тени улыбки выговорил Гном. – Песня есть такая, детская. Ничего, Рихтер, скоро изучите весь репертуар.

* * *

– Раз-два! Раз-два! Раз-два!

На этот раз – негромко, вполголоса, потому как не команда, ритм. Носилки с кирпичами с непривычки кажутся неподъемными, тому, кто спереди, труднее, зато заднему проще сбиться с ноги. Потому и...

– Раз-два! Раз-два!..

Случайно ли, а скорее всего совершенно не случайно, носилки таскать довелось в паре с Гансом Штимме, любителем курить в кинозале. Кто распорядился, Лонжа так и не понял. Штимме подошел (красный винкель!), волоча с собой носилки, кивнул, даже улыбнулся. Наверняка не обошлось без Гнома, хотя здесь он не главный. На стройке – свои командиры.

– Раз-два! Раз-два! Раз-два! О-осторожно!..

Кирпичи принести, сгрузить, перевести дух, стараясь не попасться на глаза умирающему от скуки здоровяку-эсэсману...

– Шевелись, шевелись, scheiss drauf!

И снова носилки, и снова кирпич, только на этот раз он впереди. Отполированные десятками ладоней деревянные рукоятки тянут вниз, на пути лестница, тоже деревянная, ступеньки влажные, а выданные вчера ботинки без шнурков так и норовят соскользнуть с ноги...

– О-осторожно!

Стройка – прямо за бараками. Никакого разнообразия, здесь тоже возводят бараки, Губертсгоф растет, раздувается, словно утопленник под корягой. Сейчас в нем чуть больше тысячи, скоро будет вдвое больше.

– Раз-два! Раз-два!..

Перерывов практически нет, работа от самого рассвета до полудня. Обед, два часа отдыха – и до заката. После десятых носилок уже начинает шатать, боль, память о «Колумбии», вливается в тело, но работать все-таки можно. Акционерное общество, основанное Толстым Германом, а ныне возглавляемое Генрихом Луитпольдом Гиммлером, рассчитало все точно. Полная самокупаемость, две с половиной марки в день. Поэтому и два часа дневного отдыха, и картофельная баланда, которую все-таки можно, хоть и с трудом, но проглотить. И «эсэсы» «пластырями» не злоупотребляют, только глотки дерут!

– Чего стал, drückeberger? Работать, schmutzig schmarotzer, работать!..

– Pustekuchen! – выдыхает Штимме, кивая на огрызок недостроенной стены. Туда! «Черный» отвлекся, значит, можно минуту-другую передохнуть. И даже...

Из рукава гамбургского работяги выскакивает сигарета, уже горячая. Вот кому на арене самое место.

– По две затяжки, американец!

²⁰ Имеется в виду немецкая песня «Flieg, Vogel, Flieg!». Автор приводит ее русский аналог.

На воле, в неимоверном далеком прошлом, Лонжа курил, но редко, скорее, просто баловался – под выпивку да под хороший разговор. Но тут не отказался. Глоток дыма оглушил, едва не повалив с ног. Удержался, схватившись рукой за влажный кирпич.

– Не увлекайтесь, – негромко прозвучало сзади. Лонжа заметил, как дернулся напарник. Кажется, попались.

Обернулся.

– Десять секунд. Время пошло...

Невысокий, узкоплечий, серая роба, черный винкель. Очки. Общая тетрадь в правой руке, за левым ухом карандаш.

Затянуться по второму разу они все-таки успели. Десять секунд не такой уж и малый срок.

– Карел Домучик, – шепнул Штимме, укладывая на носилки очередной кирпич. – Помощник Медведя, вроде как нарядчик.

Выпрямился, поглядел в глаза.

– Не наш и не ваш.

6

В организационный комитет будущей выставки собрались люди известные, шумные и умеющие общаться с прессой. Но, как сразу отметила эксперт Шапталъ, среди них не нашлось ни одного галерейщика. «Узкий круг» предпочитал держаться в стороне. Поэтому и кураторство шефа не вызвало возражений. Желает рисковать – его право.

И это не слишком удивило – история парижских выставок знала и куда более странные примеры. Но было нечто, отличавшее ее от всех прочих. Организаторы ни у кого не просили денег и не объявляли подписки. Более того, знающие люди шептались о том, что Свободная Франция, еще не успев опериться, неплохо помогла Свободной Германии, чьи организаторы оказались не столь богаты.

И, как венец всего, – Люксембургская галерея, только что получившая статус государственного музея новейшего искусства. Именно там собиралась разместиться Свободная Франция. Это уже не просто деньги, для такого нужны контакты на самом-самом верху.

Эксперт Шапталъ нацарапала на полях вечерней «Matin» слово «ФИНАНСИРОВАНИЕ», воткнула вопросительный знак, потом добавила восклицательный – и сняла очки. Бесполезно!

– Очень серьезные и уважаемые люди, – не дрогнув лицом, отвечал шеф на прямые вопросы журналистов. Для особо настырных уточнял:

– И очень-очень скромные.

В конце концов Мод, отбросив все иные варианты, рассудила, что неведомые благодетели просто не хотят рисковать добрым именем в случае весьма вероятного провала. На том и успокоилась, пока не пришлось заняться непосредственно отбором картин. Тут уже никакая логика помочь не могла.

* * *

– Слева от входа, кажется, есть кафе, – вспомнила Мод. – Можешь поскучать там, а я побуду еще тут с полчаса.

Музей уже закрывался, но гости из Парижа разрешили побыть лишние минуты в одном из залов. Живопись и скульптура XIX века – всего понемногу, от Давида до Моне. Все это девушка успела посмотреть, ничего невероятного не обнаружила, но все-таки решила задержаться. О кафе вспомнилось по самой простой причине. Красавчику Арману в музейных стенах было откровенно скучно. Зевать не зевал, но выглядел сонно.

– Я лучше с тобой, – чуть подумав, рассудил черноволосый. – Насчет кафе... У меня, как ты знаешь, с деньгами не очень.

Мод почему-то не поверила, но решила не усугублять. Напросился – пусть страдает!

Повернулась – и, не оглядываясь, шагнула к одной из картин – второй, если считать от входной двери. Остановилась, выдохнула...

Пришла.

Жан Огюст Доминик Энгр.

Всесильное Время послушно замерло, исчезли небо-циферблат и острые крылья мельниц, онемели ключи в сумочке, сердце, оставив дневные заботы, забило ровно и спокойно. Пространство свернулось, мир, пусть и на малый миг, стал совершенен и прекрасен.

– Ну, мне же не сто лет! – улыбнулся учитель. – Я родился через пять лет после кончины мэтра. Застал лишь его птенцов, клювастых и не слишком талантливых. Оно и к лучшему, мы с Энгром обязательно бы подрались. У него был характер – почти как у меня. Под конец перессорился со всеми, копировал свои старые картины, разорвал с Салоном – и был списан в архив. И только после смерти нашли работы, которые он никому не показывал. Тогда и ахнули.

– А почему он со всеми ссорился? – не утерпела лицеистка Матильда.

– Потому что он был в ссоре с самим собой. Знаешь, что Энгр сам о себе написал? «Человек-неудачник, нецельный, счастливый, несчастный, наделённый в избытке качествами, от которых никогда не было никакого толка». Это больно, но лучше всю жизнь болеть, чем заживо обратиться в мрамор.

Совершенный мир. Совершенная красота.

Краешком сознания Мод понимала, что стои!т уже долго, пора уходить, ей и так оказали услугу...

– Сейчас! – сказала она миру. – Еще чуть-чуть. Минутку!

Мир вздохнул в ответ, отозвавшись голосом Армана Кампо:

– Да сколько угодно. Просто я... Не понимаю.

Небо-циферблат вернулось на место, неслышно вознеслись к синему зениту крылья-стрелки, кровь привычно ударила в виски.

– «Большая одалиска», авторская копия, 1821 год. Три лишних позвонка, правая рука на треть длиннее левой, левая нога вывернута под невозможным углом...

Девушка протянула руку к его губам. Не коснулась, но заставила умолкнуть.

– Все это верно, Арман, про позвонки в каждой книге написано. Но художник не выписывает позвонки, он творит свой мир. Как и Господь, из того, что есть под рукой. Миры Энгра живы и гармоничны, из чего бы они ни созданы.

Не убедила, конечно, но спорить черноволосый не стал. Бросил взгляд на равнодушную ко всему одалиску, дернул губами:

– А мы с тобой, выходит, собираем всяких монстров?

* * *

– Ну, не монстров же! – возразила Мод, перебирая документы в папке. Не вслух, без особой уверенности, – и в полном одиночестве. Наглец Арман вместе с Жоржем Бонисом ждали ее за лагерем, у небольшого костерка. Там же была гитара и несколько кулечков с настоящими «мадленками», принесенных черноволосым после долгих блужданий по Шартру. Намечался чай с дегустацией, а затем песни, если удастся уломать излишне скромного усача. Майское солнце уже коснулось черных деревьев на ближайшей опушке, но девушка решила немного задержаться. Не ради бумаг, ради самой себя.

Картины она отбирала лично, не слушая ничьих советов и подсказок. Никакой халтуры! Рисунок, цвет, композиция – пусть даже содержание порой вводило в оторопь. Такого, впрочем, было не слишком много, в основном – знакомый импрессионизм, подражание братьям-немцам. Не слишком удачное, Францев Марков французская земля не рождала. Имена

художников сплошь незнакомые, но эксперт Шапталь тому не удивлялась. Не её! Считаю, в первый раз сошлась с современностью лицом к лицу.

И все было бы в порядке, но... Сами полотна! Шеф снял на Монмартре большую студию под скатной черепичной крышей, наскоро привел ее в порядок – и дал указания свозить туда картины. В студии Мод и работала. Очень удобно, никуда не нужно ходить, всё под рукой...

Полотна! Откуда они?..

Не из музеев, даже не из запасников, это девушка поняла быстро. Из частных коллекций? Эксперт Шапталь знала многих любителей, видела их собрания. Значит, если и коллекции, то второго, а то и третьего ряда. Оставалось предположить, что работодатель не поленился навести контакты с самими художниками, причем совершенно неизвестными, ни разу не выставившимися на серьезных вернисажах. Огромный труд, если учесть процент «брака». За месяц в студии перебывало несколько сотен картин, отобрать удалось девять десятков.

Нет, не монстры. Но все равно, – странно все это!

Убедив если не черноволосого, то саму себя, девушка хотела уже закрыть папку, когда в дверцу постучали.

За окном – ранние синие сумерки. Пора!

– Уже иду! – крикнула она, но тут дверца с легким стуком открылась.

– Мадемуазель Матильда Верлен? Только, пожалуйста, не надо лишнего шума. Здесь рядом всего равно никого нет.

Не закричала, отступила на шаг.

Бородатый, в расстегнутом черном плаще, шляпа на бровях, тоже черная. Годами под сорок, крепок, на губах – легкая усмешка.

– Мы вас надолго не задержим.

«Мы» – в кемпере уже двое. Второй годами помоложе, поуже в плечах, но тоже в черном. В проеме открытой дверцы, темным силуэтом – третий.

– Добрый вечер, мадемуазель Верлен!

– Д-добрый! – с трудом выговорила она. – Я вообще-то Шапталь.

Бородатый явно удивился.

– Как же так? Я бы на вашем месте гордился. Но не будем спорить. Мы к вам по делу.

...Закричать – не услышат, бежать некуда, из оружия – карандаш и легкий металлический стул. Оставалось одно – тянуть время.

– Кто вы?

– Мы? – крайне удивился бородатый. – Вообще-то мы не существуем. Вечерний мираж! Считайте, что мы вам привиделись.

Шагнув ближе, положил на стол широкую ладонь.

– Рисунки, будьте добры. Те самые, портрет и самолеты. И фотографии – копии, которые вы сняли с полярных снимков. Все это у вас собой, мы знаем точно.

Секунды текли, за открытой дверцей было тихо...

– Никто не придет, – понял ее бородатый. – А если и придут, им же хуже. Мы очень неприятные привидения.

Девушка достала нужную папку, развязала тесемки. Рисунки – один, второй...

– А почему двигателей нет?

– Как это – нет? – Гость явно удивился. – Есть они, только без винтов, это авиация совсем иного типа... И фотографии, пожалуйста.

Еще одна папка... Снимков не жаль, в студии, где она делала копии, остались негативы... Поглядела на гостей. Нет, не остались!

Отдала, попыталась улыбнуться.

– На снимке – вы? Только без бороды?

На этот раз человек в черном явно смутился.

– Что вы, мадемуазель Шапталь! Мне до него – как до неба, он был настоящим героем. Но и герои порой неосторожны...

Забрал фотографии, передал второму, безмолвному, затем полез во внутренний карман плаща.

– За желание сотрудничать – спасибо. Последствий все это иметь не будет, вы ничего не видели: ни рисунков, ни фотографий, ни нас. И с Ростиславом Колчаком никогда не встречались. А вам полагается маленький подарок. Считайте, что это наследство от вашей уважаемой бабушки, Матильды Верлен. Или другой – на ваше усмотрение.

Роза из слоновой кости, застывшая белая пена, чуть пожелтевшая от времени...

Мод хотела возмутиться, запротестовать, закричать. Не успела. Перед глазами заструился холодный лунный огонь, тело куда-то исчезло, перестало биться сердце...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.